

Владимир Горбань

ПОБЕГ
из Рая

Этот роман прежде всего о любви... В нем закручены три сюжетные линии: реальная, мистическая и библейская, которые развиваются параллельно и сводятся воедино лишь в финале. Реальные события охватывают период с 1964 по 2012 год, происходившие в СССР и на постсоветском пространстве и свидетельствующие о судьбах многих людей, так или иначе переживших годы масштабных переломов, их душевных драмах и потрясениях... И только любовь дает силы... Впрочем так было всегда со времен сотворения человечества...

Владимир Горбань

Побег из Рая

Мистический роман

Моей Музе Нине с благодарностью посвящается...

Пролог

В середине августа 1964 года в деревню Краснополье, расположенную среди бескрайних степей Саратовского Заволжья на правом берегу Малого Узенья и населенную в основном местными хохлами, из Москвы приехал молодой ученый. Звали его Владимир Южнин. Было ему 22 года, но он уже с отличием окончил биологический факультет Московского государственного университета и, сдав сложнейшие экзамены, поступил в аспирантуру. Впереди его ожидала грандиозная научная карьера. Но не потому, что его дедушка Сергей Южнин, биохимик с мировым именем на ту пору был профессором МГУ и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Владимир обладал незаурядным умом, выдающимися способностями исследователя, невероятным трудолюбием и упорством в

достижении поставленной цели, развитой интуицией, любознательностью и рядом других качеств, позволяющих добиться в науке колоссальных высот.

Владимир приехал с женой Тamarой, тоже аспиранткой и сыном Володей, которому исполнилось всего три недели от роду.

— Зачем кроху с собой приперли? — спросила на пороге своей хаты Аграфена Дмитриевна, двоюродная прабабушка Владимира Южнина, крепкая еще восьмидесятилетняя старуха с крупными, довольно грубыми чертами лица и громогласным голосом.

— А пусть с пеленок привыкает к кочевой жизни, — усмехнулся Владимир, — мы ненадолго, три дня погостим, родственников на кладбище проведем, молоком парного отопьемся, на рыбалку съездим, да и махнем домой в Москву. Хорошо у вас тут, бабушка Аграфена, тихо, спокойно. Не то, что в столице, где сплошная суета и совсем нет времени задуматься о бренности бытия.

Владимир мило улыбнулся.

— Ну, ладно, чего стоять на пороге, — пробурчала Аграфена Дмитриевна, — проходите в хату, будет вам молока вдоволь.

На следующий день Владимир с Тamarой отправились на деревенский погост. Шли узкой тропинкой по степному лугу, солнце припекало, и в

воздухе стоял пьянящий, сильно пряный с горьким вкусом запах чабреца или как его еще в народе называют богородской травы.

— Тамара, посмотри вокруг, красота какая! — воскликнул Владимир, рассмеялся и от радости стал водить вокруг жены хороводы. — Вот где бы я хотел окончить жизнь свою! В бескрайней степи! Среди седого ковыля! Среди знойного лета, пахнущего степной пылью!

— Не говори глупости, Володя, — произнесла Тамара испуганно, — помни, мысли материальны!

— Да нет, ты ничего не понимаешь! — Южнин обнял жену за плечи. — Это во мне говорит кровь! Ведь наш род имеет очень древнее происхождение. Мы, Южнины, потомки половцев! Да, да, половцев. Тех самых половцев, последних законных хозяев этих степей!

— Ты шутишь?

— Вовсе нет, — Владимир вдруг перестал дурачиться, и лицо его стало очень серьезным.

— Тамара, я потом тебе расскажу одну семейную легенду, и ты многое поймешь.

На кладбище Южнин долго простоял, молча возле старого почерневшего креста на могиле своего прадеда. Затем заботливо поправил венок, и они с Тамарой вернулись в дом Аграфены Дмитриевны, где уже во всю мощь своих легких орал маленький Володя.

— Ничего не ест, — буркнула прабабка, — криком зашелся, сиську мамкину просит. Не надо было дитя с собой в такую даль тащить!

— Пусть привыкает к кочевой жизни, половецкий хан! — рассмеялся Владимир, взял сына на руки, прижал к себе и он тут же успокоился.

А вечером Владимир с Тamarой взяли удочки, резиновые сапоги, надувную лодку и отправились рыбачить на Узень. К ночи они не вернулись. Не вернулись и под утро. Вся деревня переполошилась и отправилась на розыски. Но нашли лишь пустую лодку, которую прибило к береговым кустам в восьми километрах ниже по реке.

— Утопли! — целые сутки вопила в хате и во дворе бабка Аграфена. И сутки орал, отказываясь от еды, младенец.

Рано утром следующего дня во дворе Аграфены Дмитриевны собрались краснопольские старики.

— Ты вот что, кума, — тихо сказала бабка Настя, — вези дитя в Ершов. Там Валька Штормина мальчонку два дня назад родила. Хилого, ничего не ест. А молока у нее много. На двоих хватит. Чай не откажет она тебе. Все же вы близкие родственники.

Так Аграфена Дмитриевна и поступила, отвезла Володю Южнина в родильный дом.

А через три дня отыскивали утопленников. И

Валька через три дня вернулась. Но с одним ребенком. Второй умер в роддоме. В Краснополье, деревне убитой горем, состоялись похороны. Не до выяснения всех обстоятельств тогда всем было. В одну могилу положили Владимира Южнина, его жену Тамару и умершего младенца.

Так ли все было на самом деле или вовсе не так и что было потом, никто доподлинно не знает. Краснопольские хохлы умели хранить свои тайны.

Глава 1. Нас водила молодость в сабельный поход

На правом берегу тихого и мелководного Узенья, топкие берега которого заросли непролазными ивами и густой сорной растительностью, на пригорке располагалась барская усадьба сбежавшего после Гражданской войны во Францию помещика Жулидова. Огромный особняк, построенный талантливым архитектором-самоучкой из добротного красного немецкого кирпича, видимо, был и задуман в каком-то замысловатом смешении архитектурных стилей. Но с годами дом во многом утратил свое былое величие и дворянский изыск. Сорвали с окон наличники, сломали беседки, загубили газоны и тенистую липовую аллею. Литую чугунную решетку, ограждавшую большое поместье,

разобрали, отправив в металлолом, а вместо нее из наполовину прогнивших досок соорудили нечто вроде высокого сплошного забора, скрывающего бывшую барскую обитель от острых людских глаз. Однако дом был заметен издалека. Вернее, издалека виднелась его крыша, обитая оцинкованным железом, с какими — то причудливыми башенками и шпилями на ней. И в хороший солнечный день она сияла не хуже церковного купола.

С фасада к дому, с противоположных его углов, были пристроены из тяжелых дубовых досок два высоких крыльца, украшенные металлическими поручнями с веселыми завитушками. В переднем дворике располагались песочница, невысокие лесенки, карусели и низенькие лавочки. Здесь гуляли до обеда и после тихого часа самые маленькие дети. Те, что ходили в младшие группы детского сада центральной усадьбы совхоза «Ершовский». А ребятишкам постарше отводился огромный двор за барским домом. Там был устроен настоящий детский городок с домиками, горками, качелями, турниками, песочницами большего размера.

Двор это был засажен тополями, ясенями и кленами, являл собой райское место для детей, если бы его вид не портил тот самый забор из дурачки не струганных досок, кое — как сколоченных между собой. И каждый мальчишка этого детского сада

мечтал втайне сделать подкоп под забором и вырваться на волю из этого детского Рая. Тем более за забором был огромный яблоневый сад. И в дырки между досок были видны эти огромные деревья, с могучими ветвями, на которых висели крупные красновато-желтые яблоки. Они были так близки, что казалось, стоит лишь забраться на забор, протянуть ввысь руку и счастьем не будет конца и края. Но лазать по заборам, детям было строго запрещено. И они постоянно втихаря делали сапы и подкопы. Конспирировались, как могли, отвлекали внимание, но зоркие воспитательницы вовремя обнаруживали лазы, вызывали завхоза, по кличке Горыныч, и он быстро закапывал все пути к свободе.

И все же был один случай, когда шустрый мальчишка сумел почти мгновенно вскарабкаться на забор, перемахнуть через него и очутиться в заветном саду. На него устроили настоящую облаву. Воспитательницы, задрав юбки, гонялись по саду во главе с подвыпившим завхозом, который побег юнца воспринял как личное оскорбление. Они его уже окружили, уже завхоз млел от мысли надрать сорванцу уши, но малец, как белка выскочил из кустов и молниеносно забрался на верхушку самой высокой яблони. И сколько не ходили вокруг дерева с мольбами воспитательницы, как не матерился и не угрожал при этом завхоз,

мальчишка так и просидел на дереве до закрытия детского сада. Звали его Володя Штормин.

В середине апреля 1970 года дни выдалось слякотным. Страна готовилась отмечать столетний юбилей вождя мирового пролетариата и основателя советского государства, величайшего гения всех времен и народов Владимира Ильича Ленина, вершителя Великой Октябрьской социалистической Революции. А погода многое портила. Из радиоприемника лились победные репортажи, звучала браваурная музыка, всюду развевался кумач, лозунги призывали к новым победам и свершениям. А под ногами месилась грязь. И искренняя радость уличалась лишь в глазах изрядно подданных граждан и идейных членов партии.

Зоя Петровна, заведующая детским садиком, женщина крупная, объемистая, с лихою прической на голове, пересчитывала на кухне конфеты, печенье и пряники. Она многократно перекладывала их из одной банной шайки в другую. В ее пролетарском мозгу единовременно решались две глобальные задачи. Как поделить поровну детские подарки и как при этом умыкнуть часть сладостей для своих домашних и производственных нужд. То есть, как часть выкроенных конфет забрать домой, а часть употребить с воспитательницами за праздничным чайным столом после концерта.

— Петровна! — раздался вдруг почти истерический крик на пороге кухни. Это без всяких оговоренных опознавательных стуков в дверь ворвалась Мария Степановна, воспитательница старшей группы, женщина, упитанная на казенных харчах, неповоротливая, но громогласная. — У нас ЧП!

Зою Петровну, застигнутую врасплох, чуть кондратий не хватил. Ноги и руки у нее сделались ватными, по спине побежал холодный пот, голос задрезжал, как у старухи:

— Как?... Что?... Какое ЧП?

— Владимир Васильевич, гармонист наш, в дупель пьяный! Лежит в подсобке и лыка не вяжет. Где он только берет эту водку? Я же все его нычки и заначки заранее проверила!

— Фух, — тяжело выдохнула Зоя Петровна. — Ты меня так не пугай, Мария. У меня прямо сердце из груди выскочило. Я-то уж подумала, ревизию на нас накликали, — заведующая быстро мелко — мелко перекрестилась. — А это — беда малая. Первый раз что — ли? Я его сейчас, подлеца махрового, быстро в нужные чувства приведу!

— Так праздник же какой ответственный сегодня! Вот я и перепугалась. Сам парторг придет! И еще кто — то важный из райкома партии. Сразу решила вам доложить. Как бы нам не

опростоволоситься, Зоя Петровна!

— А это уж не твоя забота, Мария. Молодец, что держишься начеку, хвалю. Но антимонии мне тут не разводи! У меня от твоего крику чуть геморрой не вылез!

Хитрая она была, Зоя Петровна, изворотливая. Дружбу нужную и выгодную с начальством умело водила. Знала свой шесток, где следовало, могла прогнуться, и всегда понимала, кому можно безбоязненно зубы показывать. Такие руководители в Советском Союзе всюду были в цене. Они с успехом могли и детским садиком заведовать, и сельским советом управлять, и профкомом на швейной фабрике. И даже в горсовете заседать. Преданность их делу партии и идеалам социализма была фальшивой как рисованный червонец. Личная преданность начальнику была священной, как любовь самурая к цветущей сакуре у подножия Фудзиямы.

В положенное время в актовом зале, празднично украшенном красными флагами, портретами Ленина и членов Политбюро во главе с дорогим и любимым Леонидом Ильичем Брежневым, а также разноцветными гирляндами и воздушными шариками бледно ядовитого цвета, собрались дети старших групп, родители, представители общественности и по разнарядке уважаемые гости. Особенно подозрительно

смотрелись воздушные шарики явно не революционной окраски, по форме напоминавшие маленькие дирижабли, развешанные на протянутой под потолком рыболовной леске. Просто Зоя Петровна вовремя не подсуетилась, и не запаслась нужным реквизитом, который перед праздником ушел в магазинах на «ура». Сметливая заведующая, однако, отправила завхоза в аптеку, откуда он и привез три десятка очень дефицитных резиновых изделий. Предварительно выпив стакан водки для дезинфекции губ, он долго брезгливо плевался, прежде чем надул эти изделия до предельно возможных размеров.

Не доставало для полного сходства с любимым праздником всей ребятни лишь новогодней елки и деда Мороза со Снегурочкой. Впрочем, все детские праздники были похожими по сценарию и проходили в подобных революционно — патриотических декорациях.

Родители расселись по скамейкам, расположенным по периметру комнаты, как обычно ждали полчаса, а то и больше шишку из райкома партии. Наконец он появился в сопровождении парторга. Молодой парень в цивильном костюме с приколотым алым бантом на лацкане пиджака. С холодными и хитрыми глазами образцового карьериста. То ли он был еще инструктором райкома партии, то ли уже заведующим каким-то

отделом, но вел себя важно, перегаром от него не несло, молодой человек источал запах хорошего одеколона. И перемещался он чопорной походкой, как породистый рысак, важно ступая по чистому полу отдраенным до блеска копытом. А вот пожилой седовласый парторг, прошедший все войну пехотным солдатом, уже был навеселе, передвигался в развалку, шутил невпопад и готов был трепать за вихры любого, попавшего под руку пацаненка.

Наконец заиграла пластинка с гимном Советского Союза. Черная пластинка с ярко — красным кружочком в центре, заезженная до предела. Пафосные звуки оркестра Александра дополнялись изрядным шипением, а в самых торжественных местах еще и скрипами и каким — то орлиным клекотом, придающими музыке откровенный пародийный характер.

Все встали со своих мест, вытянулись как по команде «смирно» и сделали торжественные, то есть каменные лица, выражавшие то ли невероятную преданность ленинским идеалам, то ли откровенно наплевательское отношение к ним.

Первым поздравительное слово держал, как и полагалось в таких случаях, ответственный работник райкома партии. Он вышел на середину зала, достал из внутреннего кармана пиджака несколько листочков бумаги, прокашлялся и

хорошо поставленным голосом стал читать текст.

— Дорогие товарищи! Сегодня наша страна в едином душевном порыве встречает величайший праздник всего прогрессивного человечества — столетие Владимира Ильича Ленина, основателя первого в мире социалистического государства, идейного вдохновителя и вождя Великой Октябрьской социалистической революции, которая впервые во всемирной истории раскрепостила пролетариат и беднейшее крестьянство. Как заявил дорогой Леонид Ильич Брежнев, гениальный вождь советского народа и генеральный секретарь нашей партии в своем докладе на XXIII съезде КПСС...

— Как складно говорит, — с неприкрытым восторгом прошептала мама Сережи Сотникова маме Люды Почиваловой, — Не знаешь ты, чей он? Никак приезжий?

— Да что ты, это же сын Марии Васильевны Федотовой, председателя сельсовета из Чугунки. Витька Федотов.

— Витька Федотов? Мимо бы прошла и не узнала! Как вырос — то. А ведь совсем еще недавно с колхозными пацанами собак по деревне гонял. Ишь ты, какой важный стал. Сразу видно, деловой, далеко пойдет!

— Далеко, это точно. Он женат на дочке секретаря Саратовского горкома партии! Свадьбу

недавно сыграли, теще им квартиру двухкомнатную подарил...

— Да ты что!

— А ты думала...

Читал свою речь Федотов недолго. Видно, в этот день уже не в первый раз ему пришлось держать речь. Слушали его в половину уха, больше делая вид. Пропагандой, которая велась всюду и постоянно, все были напичканы до отвала.

— Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза! Вперед к победе коммунистического труда! — закончил оратор свое выступление.

В зале раздались продолжительные аплодисменты.

Следом слово было предоставлено Илье Кузьмичу Козодаеву, старому большевику, участнику и герою Гражданской войны, и, как он сам уверял, большому другу Василия Ивановича Чапаева, у которого он управлял конями в персональной тачанке. Во всяком случае, на всех революционных праздниках он неизменно появлялся в старых кавалерийских шароварах. Также Илье Кузьмичу приписывали знакомство с самим Владимиром Ильичем Лениным. Якобы именно они вместе несли то знаменитое бревно на первом коммунистическом субботнике в Москве. Никто из компетентных товарищей, конечно, не

проверял показания старого большевика, который давно уже, похоже, тронулся умом от собственной важности. А односельчане так, посмеивались беззлобно.

Илья Кузьмич говорил без бумажки, ибо совсем был слаб глазами:

— Товарищи, мы с Василием Ивановичем Чапаевым, тудыт его в качель, завоевали вам советскую власть! Берегите ее, товарищи, пуще, тудыт его в качель, зеницы ока! — он грозно погрозил пальцем в сторону испуганных детей. — А то, не ровен час, тудыт его в качель, белая гадина поднимет голову и учинит контрреволюцию! Мы с Ильичем, тудыт его в качель, не просто так бревнышко-то перли. Мы, тудыт его в качель, о вас, засранцы, всю дорогу думали. Как жизнь вам, тудыт его в качель, райскую построить... Профукаете вы все наши великие завоевания! Ой, чую, профукаете!

Говорил Илья Кузьмич зло и напористо, размахивая в стороны сухощавыми кулаками. Кто — то из детей не выдержал угроз и громко заплакал. Слизняка быстро удалили из зала.

— Нет таких крепостей, товарищи, тудыт его в качель, которых не смогли бы взять большевики! Да здравствует Владимир Ильич Ленин! Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза! Да здравствует, тудыт его в качель,

коммунизм!

Речь Козодаева также приветствовалась продолжительными аплодисментами и ухмылками на некоторых лицах.

Далее перед детьми с революционными обращениями выступили парторг Рогозин, ветеран Великой Отечественной войны Попов, заведующая детским садом Зоя Петровна, председатель родительского комитета мама Людья Почиваловой, и еще ряд гостей детского праздника. Все говорили примерно одно и то же, прославляя гениального вождя Великой Октябрьской социалистической революции и мирового пролетариата.

Вскоре начался торжественный концерт силами воспитанников старшей группы. На середину зала вынесли стул, затем откуда — то из детской спальни Зоя Петровна вывела Владимира Васильевича, на которого уже был надет баян. Музыканта усадили, он расплылся в какой — то глупой улыбке, раздвинул меха, и дети вслед за своей воспитательницей дружно затаили:

«На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые родины стоят».

Тут же эту бравую песню подхватили все:

родители, гости праздника, даже завхоз Горыныч не остался в стороне, пытаюсь переорать всех присутствующих своим противным пропитым баритоном. Аплодисменты были бурные, продолжительные и искренние.

Следом Владимир Васильевич затянул еще одну песню о танкистах:

«По полю танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой.
А молодого командира
Несли с пробитой головой».

Все знали, что Владимир Васильевич в войну был механиком — водителем лучшего танка Великой Отечественной войны Т-34, дважды горел, имел несколько боевых орденов. И любой праздник с его участием неизменно начинался песнями о боевых товарищах.

Потом дружно спели про сотню юных бойцов из буденовских войск, про орлят, учащихся летать, про Щорса, идущего под знаменем красного командира с пробитой головой. И конечно про Владимира Ильича Ленина:

«И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди.
И Ленин такой молодой,

И юный Октябрь впереди!»

Под занавес старый большевик Илья Кузьмич Козодаев потребовал спеть его любимую песню «Гулял по Уралу Чапаев — герой». Но получилось плохо, многие не знали, толком, ни мотива, ни слов этой песни.

Во втором отделении праздничного концерта дети читали революционные стихи. Сначала к стулу вышел Сережа Сотников и с явным волнением, если не страхом, проямлил бессмертные строчки про Ленина, написанные Михаилом Светловым:

Имя Ленина снова и снова
Повторяет великий народ.
И как самое близкое слово
Имя Ленина в сердце живёт.

И Советская наша держава,
И великих побед торжество —
Это Ленина гений и слава
И бессмертное дело его.

Гена Григорьев рассказал стихи о героях Перекопа. Потом Люда Почивалова долго и артистично поведала о Павке Корчагине и легендарных героях — комсомольцах эпохи Гражданской войны. Постепенно концерт

приближался к концу. Но тут неугомонная Зоя Петровна, любившая иногда выпендриться перед начальством, решила на импровизацию. Она вышла к стулу и вкрадчивым голосом объявила:

— Дети, может быть кто — то из вас хочет еще прочитать стихотворение или спеть песню? Поднимите руки, кто смелый!

Поднятых рук не появилось, но к стулу выбежал Володя Штормин. Он ловко вскочил на него и громким голосом взялся декламировать:

— Нас водила молодость в сабельный поход!
Нас бросала молодость на кронштадский лед!
Боевые лошади уносили нас!
На широкой площади убивали нас!

Тут Володя сделал паузу и недвусмысленным жестом указал на завхоза Горыныча. Среди родителей кто — то открыто засмеялся. Штормин продолжал свое яркое эмоциональное выступление.

— Но в крови горячечной поднимались мы!
Но глаза незрячие открывали мы!

На этой фразе Володя указал пальцем на героя Гражданской войны большевика Козодаева. Рассмеялись еще несколько несдержанных родителей. Концерт явно превращался в

юмористическое шоу. Но опытная Зоя Петровна в последний момент спасла ситуацию. Она сняла Володю со стула, слегка хлопнула его ладошкой по попе и расстроено произнесла:

— Я думаю, этого будет достаточно. Беги, Вова, к маме.

Финалом этого праздничного мероприятия стало коллективное святотатство. К стулу вышла Мария Степановна, воспитательница старшей группы.

— А теперь, дети, ответьте мне на вопрос: есть ли Бог на свете?

При этом она загадочно улыбалась, будто одна знала какую-то заветную тайну.

— Нет! Нет! — дружно заорали детишки.

— Не слышу, — притворилась Мария Степановна.

— Нет! Нет! — изо всех сил горланили дети.

— Нет! Нет! — вторили им родители.

Все уже изрядно устали, с нетерпением ждали окончания праздничного концерта и раздачи подарков. Но Мария Степановна не унималась. Она еще загадочнее улыбнулась.

— А давайте, дети, покажем Богу фиги!

Детишки быстро сообразили, что от них требуется, соорудили кукиши и с каким-то хулиганским удовольствием стали указывать им на потолок, завешанный импровизированными

шариками бледно ядовитого цвета, заходясь от крика:

— Нет Бога! Нет Бога!

— Не слышу! — подзадоривала детей Мария Степановна.

— Нет Бога! Нет Бога!

И тут Володя Штормин тихо спросил у мамы:

— А зачем они показывают Богу фиги, если его нет?

Глава 2. Вперед, во взрослую жизнь

Был поздний вечер, и школьный спортивный зал давно уже опустел. Но Володя Штормин не спешил домой, предстояло сделать еще несколько мучительных и сложных упражнений на растяжку сухожилий и укрепление икроножных мышц. Сунув ногу в петлю веревки, он другой конец перебросил через верхний поручень шведской стенки. Резко потянул за конец веревки, правая нога взмыла вверх и зафиксировалась почти в вертикальном положении. Теперь предстояло сделать несколько неглубоких приседаний на левой ноге. Боль при этом пронизывала все тело, но была привычной и даже приятной.

— Ну и долго ты еще собираешься мучить себя? — услышал Володя за спиной голос Наташи Шороховой, его одноклассницы. — По — моему,

чемпион, ты уже из себя все жилы вытянул.

Володя отпустил веревку, нога съехала вниз. Он обернулся.

Наташа Шорохова в легком голубом облегающем платье стояла рядом. Высокая брюнетка с безукоризненной девичьей фигурой, великолепной копной вьющихся до плеч волос, с темно-синими, как зрелый паслен, огромными и всегда веселыми глазами. Глазами омутами. И губами сочными, нежными, сладкими и зовущими. Наташа была несбыточной мечтой многих парней...

— Там уже темно и страшно, ты, Штормин, проводишь меня домой? Или мне Генку Григорьева попросить?

Володя, безусловно, смутился. Еще бы. Да каждый юноша их школы мечтал о том, чтобы Наташа обратила на него внимание.

— Прямо сейчас?

— А долго тебе еще?

— Нет, осталось левую ногу растянуть, — Штормин говорил тихо, опустив глаза долу, будто оправдывался.

— Сколько эта пытка займет у тебя времени?

— Минут десять. Я к соревнованиям готовлюсь. Но в принципе и за пять минут успею.

Володя посмотрел на Наташу и готов был прервать тренировку прямо сейчас.

— Хорошо, — улыбнулась Шорохова как —

то загадочно, — не буду мешать, чемпион, я тебя в раздевалке подожду.

Она развернулась на невысоких каблуках и легкой соблазнительной походкой, покачивая бедрами, удалилась из спортивного зала.

С левой ногой Штормин расправился гораздо быстрее, чем того требовалось, и поспешил в раздевалку. Это была маленькая комната по коридору налево, устланная спортивными матами, с единственной тусклой лампочкой под потолком. Вернее, это была не только раздевалка, но и тренерская комната. И здесь не хранились лыжи и палки к ним, не валялись на полу наполовину спущенные баскетбольные мячи, грязные волейбольные сетки, гнутые баскетбольные кольца, забытые кем-то спортивные трусы, кеды и кроссовки, хоккейная амуниция, коньки и клюшки, ведра, швабры и половые тряпки, как это обычно бывает в школьных спортивных раздевалках.

Наташа полулежала на матах в дальнем уголке комнаты, поджав под себя ноги. Штормин замер у порога, растерялся. Ведь нужно было избавиться от пропахшей потом спортивной одежды и облачиться в джинсы и любимую бело-голубую футболку с надписью «Динамо» на груди и заветными буквами СССР на спине. Эти буквы дозволялось носить не всем, а лишь избранным спортсменам. Только попав в сборную

команду страны, можно было сверкать этими буквами и гордиться собой без всяких зазрений совести. Володя Штормин в 16 лет был уже кандидатом в мастера спорта по рукопашному бою и готовился к своим первым соревнованиям на первенство страны в составе молодежной сборной Саратовской области.

— Слушай, Штормин, — голос Наташи прозвучал особенно томно, — а почему ты мне до сих пор не признался в любви? Все твои одноклассники уже у моих ног. Даже Генка Григорьев. Я что, не нравлюсь тебе, Штормин?

Володя настолько обомлел от такой нескромности, что и слова не мог вымолвить.

— Хорошо, спортсмен, — Наташа грациозно поднялась с матов, оправила платье, загадочно при этом улыбнулась, — переодевайся. Я тебя на улице подожду.

Она все той же легкой соблазнительной походкой удалилась из раздевалки.

Месяц май благоухал сиренью. Дул легкий зябкий ветерок. Володя с Наташей шли к ее дому по парковой аллее, смущаясь друг друга.

— Володя, мне холодно, обними меня.

Штормин крепко прижал Наташу к себе, ощутил мелкую дрожь ее тела.

— Как ты собираешься сдавать выпускной экзамен по алгебре? — неожиданно спросила она

грустным голосом. — Ты же совершенно не знаешь этого предмета.

— Не знаю, как — нибудь да сдам. В любом случае трояк мне поставят. И на том скажу спасибо.

Наташа остановилась, не расцепляя объятий, взглянула чувственно на Володю, а затем, отведя глаза в сторону, тихо произнесла:

— А хочешь я дам...дам тебе списать экзаменационную контрольную по алгебре. Никто и не заметит. Ты только сядешь на экзамене за мной, чтобы варианты заданий совпали.

— Да зачем мне математика?! — усмехнулся Штормин. — Там, куда я буду поступать, никто от меня знаний математики не потребует. Мне бы плавание не завалить.

— А где ты хочешь учиться?

— В Институте физкультуры. Хочу стать тренером. Но сначала выиграть чемпионат страны. Затем стать чемпионом Европы. Ну и победить в кубке мира, стать сильнейшим на планете!

— Это так скучно, — Наташа грустно улыбнулась, — бесконечные тренировки, сборы, соревнования. Эти спортзалы, стадионы... раздевалки.

— Да ты что! — воскликнул Володя. — Это очень интересно! Это постоянное самосовершенствование, постоянная борьба с самим собой и над собой, бесконечные поездки по

стране. Это возможность побывать за границей! Увидеть весь мир не по телевизору в передаче «Клуб кино — путешественников», а своими глазами. Ну, объясни мне тогда, как советскому человеку иначе попасть за границу? По комсомольской турпутевке в Болгарию? А я хочу побывать во Франции, в Италии, в Канаде. Мало ли интересных мест на земле!

— Тебя все равно туда не выпустят.

— Это почему?

— Потому, — Наташа звонко рассмеялась, — потому, что ты не комсомолец. И в Институт физкультуры тебя не примут.

— Почему?

— Потому, что ты не член ВЛКСМ.

— И что же мне делать? — Штормин не на шутку испугался. — До выпускных экзаменов остался всего месяц. До вступительных — три. Время, похоже, уже упущено. Я уже не успею вступить в вашу организацию.

— А хочешь, я с папой поговорю, — лицо Наташи сделалось серьезным, как у строгой учительницы по математике.

— О чем?

— Он поможет тебе вступить в комсомол. Быстро и без проблем. Он у меня в райисполкоме работает. И знает всех партийных функционеров. Они там вместе каждую пятницу что-то на работе

справляют. И мой папаша под выходные на бровях домой заявляется. И сегодня его тоже привезут чуть живого. Поговорить с отцом?

— Ну, я не знаю, — замялся Штормин, — ну поговори.

Они подошли к палисаднику большого крепкого дома. Наташа сняла Володины руки со своей талии, показывая всем видом, что им пора прощаться.

— А ты за мои хлопоты посвятишь мне стихотворение. Договорились? — Наташа вновь лукаво улыбнулась, вновь неожиданно смутила Штормина.

— Какое стихотворение?

— Ну, ты же сочиняешь стихи?

— Да так, — Володя пожал плечами, — но только стихи не сочиняют, их пишут.

— Ну, так напиши!

Наташа вдруг быстро и звонко поцеловала Володю в щеку. Рассмеялась игриво и пошла по дорожке домой, наигранно виляя бедрами. И не обернулась и не помахала на прощанье рукой...

Ершовский райком ВЛКСМ располагался на центральной городской площади. В здании райкома партии, только входы были разные. Та, что справа для больших и важных дядь и тетей, а та, что слева — для их скорых сменщиков.

В просторном кабинете первого секретаря

райкома комсомола за длинным полированным столом собралась комиссия по приему в члены ВЛКСМ, человек десять — двенадцать. Все были одеты в строгие костюмы, хотя за окном стоял знойный июнь 1981 года. В эту пору жара в Саратовском Заволжье нередко превышает 35 градусов по Цельсию. Порой трудно даже дышать полной грудью, трава блекнет, листья на деревьях вянут, ни ветерка даже самого малого. Даже караси в прудах, похоже, впадают в коматозное состояние.

Но в партийном здании было относительно терпимо. То ли спроектировано оно было как — то по — особому хитро, то ли думалось в нем о чем-то совсем неземном.

Рядом с Володей в коридоре на стульях сидели еще несколько юношей и девушек, переживших пионерский возраст. В кабинет к первому секретарю вызывали поодиночке, выкрикивая в отворяющуюся периодически дверь фамилию соискателя. Каждый ожидал такого выкрика с большим нервным напряжением.

— Штормин! — раздался противный визгливый голос из дверного проема.

Володя вошел в кабинет, огляделся. Никого из присутствующих он не знал.

— Представьтесь, — строгий голос первого секретаря райкома, сидевшего во главе стола, прорвал до мурашек на спине.

— Штормин Владимир Владимирович, 1964 года рождения.

— Какого года рождения? — удивился седой ветеран войны, поблескивая медалями на полинявшем пиджаке.

— 1964 года рождения, — повторил Володя.

— А почему до сих пор не член ВЛКСМ? Тебе же уже семнадцатый год! — ветеран, заглянув в какую-то бумагу, сурово насупил брови, будто перед ним стоял в чем — то провинившийся подросток. Преступник, укравший что — то в магазине или поджегший школу.

— Не был готов, — тихо сказал Володя, чтобы фронтовик не услышал его ответа. Но ветеран, очевидно, когда того требовала партийная бдительность, обладал хорошим слухом.

— Что значит, не готов? К чему не был готов? Ты Родину любишь?

— Люблю.

— А почему в комсомол вовремя не вступил? Где ты шлялся почти три года?

— На сборах.

— На каких, мать твою, сборах?

— Спортсмен он, — тихо произнесла молодая женщина, сидящая рядом с ветераном.

— Спортсмен, — это хорошо, — слегка смягчился фронтовик, — А учишься как? Двоек много?

— Ни единой тройки в аттестате, — произнесла все та же женщина, очевидно, секретарь комиссии. Она держала в руках анкету Штормина. — Всего шесть четверок, остальные пятерки. Почти отличник. И характеристика из школы хорошая. Был старостой класса, — секретарь начала зачитывать выдержки из послужного списка Володи, — трудолюбив, принимал активное участие во всех субботниках и воскресниках, занимался в художественной самодеятельности, показывал высокие достижения в спорте...

— Да знаю я его, — раздался голос первого секретаря, — нормальный он парень, чемпион Саратовской области по рукопашному бою среди юниоров. И родину он любит. Я за него ручаюсь.

Все с удивлением посмотрели на первого секретаря райкома ВЛКСМ. Это был молодой еще парень, который недавно окончил сельскохозяйственный ВУЗ, попал в номенклатуру скорее случайно и, многим казалось, что он еще недостаточно хорошо разбирался в партийно-комсомольских правилах и взаимоотношениях. Лицо его было строгое, но светлое. Взгляд суровый, но с едва уловимым лукавством.

— А почему он тогда до сих пор не член комсомола!? — фронтовик со злостью ударил

кулаком по столу. — Не понимаю! Ты куда-то поступаешь в этом году?

— В Институт физкультуры, — спокойно ответил Володя. Он уже немного сориентировался в этом кабинете и понял, что некоторые члены комиссии не будут его явно заваливать. Более того, некоторые готовы оказать ему поддержку. Это читалось в их глазах.

— Вот! — ветеран вскинул указательный палец вверх. — Теперь я все понял! Не по убеждениям он к нам пришел! А как махровый карьерист! Гнать надо таких отщепенцев отсюда в шею! Нам такие отщепенцы в ленинском комсомоле не нужны!

Повисла напряженная тишина. Члены комиссии молчаливо переглядывались друг с другом, все хорошо знали этого фронтовика, который и фронта — то настоящего не видел, всю войну провел в обозе при кухне.

— Да какой же он карьерист? — прервал тишину первый секретарь. — Он же не на работу пришел к нам в райком комсомола устраиваться! Это мы тут все карьеристы!

Многие члены комиссии со страхом посмотрели на своего комсомольского вожака. Это уже пахивало откровенным диссидентством. Такое о карьеризме! Да еще из уст первого секретаря, члена бюро райкома КПСС! Человека,

занимающего серьезную номенклатурную должность!

— Просто парень собрался поступать в институт, — спокойно произнес первый секретарь. — Так, Владимир?

— Так, — ответил Штормин.

— И ему нужен комсомольский билет, без которого у него даже документы в приемной комиссии не примут. Так?

— Так.

— Ну, вот и разобрались, — голос первого секретаря зазвучал каленым металлом. — Перед нами честный парень. Спортсмен, почти отличник. И вовсе не карьерист. Он же не виноват, что в вузы у нас принимают только комсомольцев. Так давайте ему поможем! Разве это плохо, если он станет профессиональным спортсменом, тренером?

Воцарилась тишина. Даже фронтовик от такого напора первого секретаря рта не посмел открыть.

— Кто за то, чтобы Штормина Владимира Владимировича принять в члены Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи? — произнес первый секретарь. — Кто «за» прошу поднять руки.

И «за» на удивление проголосовали все. Даже седой ветеран с юбилейными медалями, еще несколько минут назад явно отказывавший Володе

в доверии.

— Решение принято единогласно, — объявил первый секретарь. — Я вас, Штормин, поздравляю, можете быть свободны.

— Как... как свободны, — зашебетала, опомнившись, секретарь приемной комиссии. — Мы же ему даже ни одного вопроса по Уставу ВЛКСМ не задали.

— Светлана, — лицо первого секретаря вновь сделалось каким — то живым и чужим для номенклатурных товарищей. — Ты, думаешь, он Устав не выучил назубок? По Уставу будешь гонять своих пэтэушников! Иди парень. Иди с Богом! И стань чемпионом мира! Всем завистникам назло стань!

Штормин быстрее пули выскочил на крыльцо райкома комсомола и вдохнул полной грудью знойный степной воздух. Недалеко в тени высокого тополя его дожидалась взволнованная Наташа.

— Ну что? Ну, как? — она взялась нервно теревить его за руку. — Рассказывай скорее.

— Спасибо твоему папе, — Володя грустно улыбнулся. — Благодаря его блату меня только что приняли в комсомол.

— Какому блату? — удивилась Наташа.

— Ну, ты же сама говорила, что твой папа все устроит, что меня примут в комсомол без всяких проблем. По блату.

Наташа улыбнулась в ответ:

— А я ничего не говорила папе. Я с ним уже полгода как не разговариваю.

— Серьезно?

— Да.

— А почему?

— А не скажу.

— А все же, почему?

— Да не нравишься ты ему!

— А тебе?

— А не скажу!

И ни оба счастливо рассмеялись.

— Тогда вдарим по лимонаду!

— Тогда вдарим!

Они возвращались из летнего кафе уже под вечер, веселые и беззаботные. Молодости свойственна беспечность, отсутствие постоянного контроля за неуловимым, по сути, течением времени. Когда вся жизнь еще впереди нет никакой нужды заглядывать в будущее. Хочется жить одним днем, одной минутой, одним мгновением.

— Ты проводишь меня домой, Штормин?

— А что уже пора?

— Проводишь?

— Само собой, — вздохнул Володя. Ему явно не хотелось расставаться с Наташей. Ему хотелось, чтобы этот день продолжался вечно.

Они шли все той же парковой аллеей, все так

же смущались и не могли открыто выразить своих чувств. Они были молоды и еще многому в жизни не научились.

Вдруг сзади раздался грозный крик:

— Стоять!

Володя обернулся. Три изрядно пьяных парня, прибавив шаг, направлялись в их сторону. Наташа очень испугалась, задрожала, лицо ее побледнело.

— Побежали, — предложила она, — тут до моего дома совсем близко.

Парни были уже совсем рядом, слышалось их сбивчивое дыхание.

— Да нет, подожди, — сказал Володя еле слышно, насупился и крепко сжал кулаки, — надо разобраться, кто тут такие приказы отдает.

Парни обошли Володю и Наташу с трех сторон. Они были крупнее Штормина и старше лет на пять. Противным самогонным перегаром разило от всех троих. Пролетарская злоба светилась в узких звериных глазах.

— А, это ты, спортсмен? — промычал тот, что кричал только что в спину и осекся. — Извини, старик, ошибочка вышла. Извини.

— А это кто? — спросил второй парень.

— Конь в пальто! Пошли отсюда. Мне он уже один раз челюсть ломал.

До Наташиного палисадника они дошли молча. Остановились, как обычно, у калитки. Настроение

было испорчено у обоих. Неприятный осадок в душе оставила встреча с пьяными гопниками. Разгильдяями, лоботрясами и неудачниками, по сути. Они полагали, что любую дорогу себе в жизни можно проложить наглостью и пудовыми кулаками.

— Слушай, Володя, — тихо произнесла Шорохова. — А, может, ты поедешь поступать вместе со мной?

— Куда? — удивился Володя.

— В Саратов. В Университет на биологический факультет.

— А как же спорт?! — воскликнул Штормин.

— Кулаками махать? Любым видом спорта можно прекрасно заниматься и в университете. В свободное от занятий время. И заодно получить престижную профессию. Да и будем вместе. Подумай об этом.

— Нет, — возразил Володя решительно. — Я хочу стать профессиональным тренером. И даже чемпионом мира. Такую подготовку можно получить только в институте физкультуры. А в университете пусть учатся яйцеголовые отличники.

— Дурак ты, и уши у тебя холодные.

Штормин опешил:

— А почему уши холодные?

— Не знаю, мама моя так постоянно говорит.

— Кому говорит?

— Неважно, — Наташа на мгновение

задумалась. — Ты написал мне стихи?

— Написал, — буркнул Штормин.

— Читай.

— Не могу.

— Это почему?

— Уши у меня холодные.

Володя достал из кармана брюк скомканный листочек бумаги, протянул его Наташе и, молча, быстро ушел. Шорохова развернула листок. Неровным быстрым почерком на нем были написаны четыре строчки:

«Уж блекнет в небе млечный путь,

Не уходи, постой у клена.

Глаза твои как ягоды паслена

И их нельзя мне обмануть».

— Хм, написал, — тихо произнесла Наташа, прижала листочек к груди, еще немного задумчиво постояла у калитки и отправилась в дом. В ту ночь она долго не могла уснуть, распаляя себя девичьими мечтами и надеждами, строя планы на будущее, которое рисовалось ей счастливым и безмятежным. Ох, эти девичьи грезы — причина последующих женских разочарований!

Подойдя к своему дому, Штормин обратил внимание на «Камаз», огромный, мрачный фургон, стоявший у дороги. Номерные знаки были не

местные. Володя обошел автомобиль, водителя в салоне не оказалось. И тут из подъезда дома вышел Володин отец с каким-то неизвестным мужчиной в армейской форме. Они негромко переговаривались друг с другом. Мужчина закурил и едва слышно произнес:

— За речкой творится полный кошмар. Там идет настоящая война. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

И они направились к «Камазу». Володя вышел им навстречу.

— О, сынок! — удивился Штормин — старший. — Знакомся, это дядя Вася, мой армейский друг. Вот ехал мимо и зарулил к нам.

Володя пожал крепкую руку прапорщика. Он выглядел лет на сорок, но голова его была уже густо убелена сединой. Дядя Вася с прищуром посмотрел юноше в глаза и с волнением в голосе спросил:

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Большой уже. Спортом занимаешься?

— Он у меня уже кандидат в мастера спорта по рукопашному бою, — с гордостью ответил за сына отец.

— Это очень хорошо. А учишься как?

— Да я школу уже закончил.

— Удачно?

— Нормально. Без троек.

Дядя Вася еще раз внимательно, как бы оценивая, взглянул на Володю, потом на его отца, подошел к задней дверце «Камаза» и открыл ее ключом. Все трое взобрались внутрь фургона. Дядя Вася включил карманный фонарик.

Володя поразился увиденным зрелищем. Шесть цинковых гробов стояли рядом друг с другом. У каждого было небольшое круглое прозрачное окошечко на уровне лица покойника.

— Вот везу матерям «подарочек», — зло произнес дядя Вася, — груз-200. За речкой война, сынок. Плохая, несправедливая война.

— За какой речкой? — не понял Володя.

— За Пянджем. В Афганистане...

Поступить в университет было делом непростым. Школьных знаний для этого явно не хватало. Пришлось дено и ночью дополнительно штудировать несколько объемных книжек. Штормин был уверен, что засыплется на первом же экзамене, и корил себя за то, что послушал Шорохову. Вернее, поддался на ее уговоры. Она-то ведь целый год готовилась для поступления, ей нанимали репетиторов, ее возили на олимпиады по биологии, она посещала кружки и факультативы. А Штормин в это время торчал в спортзале, развивал мышцы, тянул сухожилия. Он и половины в биологии и химии не усвоил от того объема знаний,

что было известно Наташе. Но Володя упорно готовился, не давая себе ни малейшего послабления.

Сдавали они экзамен в разных группах. Володя вытянул билет. Вопросы ему были хорошо знакомы. Он подошел к свободной парте и обнаружил на стуле маленькую подковку, размером с копеечную монетку. Кто — то из предыдущих абитуриентов принес ее на экзамен и забыл забрать. Сердце у Володи страстно затрепетало. Он знал, найти подкову — к удаче. Штормин быстро написал ответы и поднял руку. Молодой очкастый преподаватель, доцент и председатель приемной комиссии очень удивился:

— Вы уверены, молодой человек, что достаточно подготовились и уже готовы ответить на вопросы вступительного экзамена?

— Да, уверен, — холодно ответил Штормин.

— Ну — с, молодой человек, тогда извольте идти ко мне.

Володя уселся напротив преподавателя и спокойным голосом принялся отвечать. Но очкастый доцент, кажется, вовсе не слушал его, а лишь внимательно изучал экзаменационный лист. А потом произнес как-то устало:

— Достаточно, молодой человек. Я ставлю вам за ответ пятерку. Отчасти за мастерство.

— Какое мастерство?

— Идите с богом. Потом поймете. Я, похоже, сегодня плохо выспался.

Ликующий Штормин выскочил на улицу. Он ликовал. Не таким уж сложным оказался самый важный экзамен. Теперь они с Наташей будут учиться в университете. Он станет мастером спорта, чемпионом мира...

Шорохова вышла из университетского корпуса примерно через час. Лицо ее было заплакано, тушь размазана, губы дрожали.

— Что случилось? — Володя подсочил к ней, обнял за плечи. — Тебя кто-то обидел?

— Не — ет, — разревелась Наташа. — Я экзамен завалила.

— Как! — вскрикнул не поверивший ей Штормин. Это было невероятно, как если бы посреди жаркого лета с неба повалил снег. — Ты получила двойку?

— Да — а — а.

— Да как же так!

— Да вот так!

— А я получил пятерку.

— Seriously? — Наташа вдруг перестала реветь, быстро размазала слезы по лицу и с каким — то недоумением взглянула на Володю. — Покажи экзаменационный лист.

Штормин протянул ей бумагу. Шорохова посмотрела на оценку и промолчала.

Володя все три устных вступительных экзамена сдал на «отлично», а вот сочинение написал на тройку. Но этого оказалось достаточным для зачисления. И он очень гордился своим достижением. До первой сессии, пока не понял насколько непросто учиться в столь престижном университете, где в то лето, за место боролось восемь человек. И правила борьбы были не совсем честными.

Ректор университета, маститый академик и основатель целой школы одаренных ученых, человек принципиальный и бескомпромиссный вызвал накануне вступительных экзаменов к себе в кабинет молодого очкастого доцента, председателя приемной комиссии биологического факультета.

— Павел Петрович, на ваш факультет подал документы некто Владимир Штормин.

— Возможно, — согласился молодой доцент, поправляя на носу тяжелые старомодные роговые очки, — всех ведь абитуриентов не упомнишь.

— Безусловно, всех нет. Но этот парень — чемпион Саратовской области по рукопашному бою среди юниоров. В неполные семнадцать лет!

— И что, Анатолий Михайлович?

— Как что? Надо брать.

— Куда?

— В наш университет. Иначе его медики или юристы перехватят. В сельскохозяйственном

институте небольшой конкурс. Сейчас Штормин — чемпион области. Через год станет чемпионом СССР. А там, глядишь, и на мировом первенстве отличится. И прославит наш университет.

При этом ректор сделал ударение на слове «наш».

— Ну, да, — согласился Павел Петрович. — А если у него плохая подготовка по биологии и химии?

— Ну и что? — академик лукаво рассмеялся. — Мы приняли на ваш факультет документы у пятидесяти медалистов. Они в большинстве своем поступят без особого труда и будут двигать в дальнейшем науку вперед. Так? Они свои медали уже завоевали. А этот парень еще нет. Ну, не медикам же его отдавать, Павел Петрович?! Осенняя студенческая Спартакиада на носу, ей богу, вы как будто не выспались сегодня!

Глава 3. От сессии до сессии

К удивлению многих, да и неожиданно для самого себя, Володе Штормину очень понравилось учиться в университете именно на биологическом факультете. Здесь он с первых дней нашел верных друзей, интересных товарищей, множество приятелей и знакомых. Биологические науки оказались именно тем новым и серьезным

увлечением, которое полностью поглотило его, отодвинув занятия спортом на второе, даже третье место. Уже на первом комсомольском собрании сокурсники единогласно избрали его комсоргом, а заместитель декана, чувствуя литературные способности, острый взгляд и беспристрастную смелость нового студента, предложил ему редактировать факультетский «Комсомольский прожектор». Штормин стал довольно быстро узнаваем студентами других курсов и преподавателями кафедр. Он поселился в общежитии со своими новыми друзьями, где жилось весело, беззаботно, а временами и вовсе бесшабашно. От сессии до сессии, как поется испокон веку в известной студенческой песенке.

Общежитие представляло собой трехэтажное старое и весьма запущенное здание с проседающим фундаментом, из которого всюду торчали ржавые на вид кирпичи, с обваливающимися балконами, осыпающейся штукатуркой, облазившей со стен лимонно-желтой краской, текущей бесконечно крышей. Сколько не пыталось руководство университета это здание, расположенное в самом центре Саратова, капитально отремонтировать или хотя бы немножко привести в божеский вид, общежитие отчаянно сопротивлялось, как иной бродяга, которого как не корми, он непременно сбежит к себе на помойку, и будет там чувствовать

себя припеваючи и даже счастливо. Но студентам и это затрапезное здание казалось раем. Потому, что в нем, как им порой думалось, витал дух почти абсолютной свободы. А за его стенами жили в основном люди всего боящиеся, которым набитый продуктами холодильник в квартире был важнее любой правды, любой справедливости. Только студенты, молодые энергичные люди с бурно развивающимися мозгами, могли позволить себе высказывать сомнения по многим вопросам обустройство жизни. Зная при этом, что стукачей вокруг хватает. И в деканате все подробно и о каждом известно. Но большинство преподавателей, хотя и состояли в КПСС, очевидно сами, не испытывали особой любви к социалистическим порядкам и сквозь пальцы смотрели на студенческие вольности, зачастую граничащие с откровенным диссидентством...

В Советском Союзе 7 ноября считалось самым главным, самым священным праздником. Именно в этот день в 1917 году матросы пальнули с крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу, дав команду к штурму последнего оплота Временного Правительства, которое, никем не защищаемое, за одну ночь было низложено революционными рабочими и солдатами. Именно за это многие десятилетия простые граждане страны Советов пили водку или портвейн, закусывая селедкой или

тефтелями из консервных банок. А всевозможное начальство потягивало на банкетах коньячок с той же водкой под осетровый балычок и салями. Впрочем, когда напивались и те и другие, иногда на улицах случались искренние братания между пролетариатом и авангардом пролетарской партии. И были даже случаи, когда пьяный в дупель парторг какого — нибудь тракторного завода менялся своей бобровой шапкой с собачьим треухом слесаря из сборочного цеха. Да и плакаты, всюду висевшие дружелюбно гласили: «Народ и партия едины».

Но прежде, чем пройтись в колоннах демонстрантов по улицам городов и весей необъятной страны с красными флагами и портретами партийных вождей, накануне главного священного праздника всюду организовывались субботники и воскресники. Если конечно уличный мусор не успевал укрыть от глаз начальства рано выпавший снег.

За пару дней до празднования 64 годовщины Великого Октября ближе к вечеру, в комнату общежития, в которой Володя Штормин, жил со своими однокурсниками вошел мужик средних лет в крестьянском тулупе нараспашку, в норковой шапке набекрень.

— Здесь живут первокурсники биологического факультета? — спросил он

будничным голосом.

— Здесь.

— Ребята, выручайте, надо срочно погрузить мусор во дворе общежития. Машина уже стоит, лопаты я на всех получил.

Студенты быстро оделись и отправились за «тулупом» на выход. Также быстро разобрали шанцевый инструмент и вшестером с азартом принялись за работу, обмениваясь между собой веселыми шутками и прибаутками. «Тулуп» стоял рядом, наблюдал, молча, и вдруг его осенило, что первокурсники восприняли его как завхоза или просто рабочего административно — хозяйственной части университета. Не статусно он был одет, да и никак не представился перед ними. Потому и шутили парни довольно откровенно, не обращая внимания на мужчину. Он внимательно слушал, а потом обиженно произнес:

— Ребята, а я ведь не завхоз.

— Да нам как — то все равно, — ответил один из ребят и вновь продолжил рассказывать анекдот.

— Я проректор по административно — хозяйственной работе.

Студенты переглянулись. Слово «проректор» звучало внушительно.

— И еще я преподаватель кафедры Истории КПСС, кандидат наук, доцент.

— Историк, — присвистнул Штормин.

— Историк, — подтвердил тулуп. — Не верите?

Студенты пожали плечами.

— Ну, вы можете задать мне любой вопрос на историческую тему. И поймете, что я говорю правду. Например, я могу рассказать вам о том, как на II съезде партии произошел идейный раскол между Лениным и Мартовым. Хотите?

Студенты вновь пожали плечами, выражая полное равнодушие к данной исторической теме.

— А как вас зовут? — спросил Штормин, но больше не из — за любопытства, а так, чтобы поддержать разговор.

— Павел Семенович, — ответил доцент.

Погрузка мусора в шесть лопат стремительно приближалась к концу. И тут вдруг Штормин задал на первый взгляд наивный, однако, на самом деле совсем непростой вопрос:

— Павел Семенович, а почему в древности столицей нашего государства был Киев, а теперь Москва? И Русь называлась Киевской.

«Тулуп», похоже, растерялся. Он был скорее не историк, а партийный идеолог с дипломом историка. Он даже как — то нервно поежился.

— А зачем вам это знать, молодой человек?

— Да так, интересно. В учебниках истории ничего об этом не пишут.

— А вы кто по национальности?

— Украинец.

— Понятно, — каким — то нехорошим тоном произнес Павел Семенович, развернулся и ушел в сторону учебного корпуса.

Перед новым 1982 — м годом редакция факультетского «Комсомольского прожектора» в красном уголке общежития готовила очередной номер. Делалось это примерно так. Света Кузюткина на большом листе ватмана выводила тушью заголовок, размечала карандашом расположение основных рубрик, Толик Орлов тут же сочинял передовицу, Наташа Маклакова рисовала смешные карикатуры. А Володя Штормин крутился между ними, активно своими идеями и задумками мешал им работать, вместо того, чтобы сидеть где-то в сторонке и придумывать острые литературные выпады в сторону прогульщиков и хвостистов. Но он был редактором и считал своим долгом помогать всем, даже если этого не требовалось. Впрочем, все «прожектеры», как их прозвали в деканате, были людьми молодыми, веселыми, уступчивыми и не умели обижаться друг на друга. Как правило, за одну ночь выпуск успевали сделать. И рано утром, до начала занятий, свернув ватман трубочкой, Штормин гордо нес его в университет. И там, на стене у деканата, с чувством неподдельной гордости, прикнопливал его рядом с доской объявлений. Новость о том, что

новый выпуск «Комсомольского прожектора» уже висит на стене, тут же разлеталась по факультету. К стене бежали все, и студенты и преподаватели. Особенно любима была рубрика, в которой нещадно пропесочивались нерадивые студенты. Рисовался шарж со вполне узнаваемой рожицей. А под ним помещался сатирический текст:

«Он пропускает бессовестно лекции
И семинары, практики, секции.
Большой он любитель полуночных пиров.
Это конечно Сережа...»

Фамилия заядлого прогульщика не указывалась, но она обычно хорошо рифмовалась с последним словом предыдущей строки. И все, кто даже в лицо плохо знал Сережу, понимали, что это Сережа Башкиров. Все ржали, тыча пальцами в портрет, чем и достигался нужный воспитательный эффект. Передовицу с ее традиционной нудятиной и нравоучениями студенты почти никогда не читали.

Первую сессию Штормин сдал без троек, хотя и с большим трудом. Учеба в университете, где основные знания приобретаются на лекциях и отшлифовываются на семинарских и практических занятиях, принципиально отличается от учебы в школе, где предметы изучаются большей частью

напополам с учителем. Пришлось быстро научиться учиться самому.

А по весне к Штормину неожиданно пришла большая слава лирического поэта. Сладкая и липкая как сгущенное молоко. Сначала несколько его лирических стихотворений появилось в областной газете «Заря молодежи». Потом девчонки факультета стали их переписывать друг у друга в тетрадки. Потом стихи в рукописных вариантах стали гулять по университету, а затем и вовсе выплеснулись в широкую студенческую аудиторию почти миллионного по населению города. Со стороны эта слава была почти незаметна. Девчонки писали любовные записки, назначали свидания, поджидали у учебного корпуса и возле дверей общежития. Конечно, по молодости лет у любого парня от такого девичьего внимания поплывут мозги. Ранняя слава страшно портит людей. Но от нее есть верное средство — колоссальные амбиции. Они никогда не дадут забронзоветь.

Первомай был, пожалуй, вторым по значению праздником в Советском Союзе. Он отмечался в знак солидарности трудящихся всего прогрессивного человечества. Но по форме празднования очень походил на очередную встречу годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Ему так же предшествовали субботники и воскресники, на

которых всем миром в едином нерушимом порыве убирался мусор, скопившийся за зиму на улицах, площадях и в подворотнях, красились заборы, подновлялись фасады зданий, белились стволы деревьев. Апогеем праздника являлась демонстрация, плавно переходящая в пьянку — гулянку дома или на природе.

Иногородние студенты большей частью на майские праздники разъезжались отмечать Первомай по домам, и общежитие пустело. Володя Штормин в тот год остался в Саратове. Его, как комсорга группы попросили поучаствовать в первомайской демонстрации. В принципе это считалось почетной обязанностью, как служба в армии, дежурство в составе ДНД, а также сидение в президиумах всякого рода комсомольских конференций и пленумов.

Колонна преподавателей и студентов университета формировалась возле главного корпуса часа за два до шествия. Демонстранты прикрепляли на грудь алые шелковые банты, надували разноцветные шарiki и разбирали транспаранты и портреты партийных вождей. Владимиру Штормину и его сокурснику Сергею Варшавскому достался один на двоих портрет унылого Михаила Андреевича Сулова, идеолога КПСС и мирового революционного движения. Генерального секретаря ЦК, Председателя

Верховного Совета СССР, дорогого Леонида Ильича Брежнева захватили студенты-физики. Конечно, самыми почетными портретами с самыми длинными древками были портреты бородачей Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина. Их доверялось нести только преподавателям университета, имевшим не только ученую степень, но и ученое звание доцента или профессора. И только заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии профессор Горбачев, считавшийся большим оригиналом и человеком не от мира сего, ничего такого пропагандистского на демонстрациях в руки никогда не брал, объясняя свой поступок по-философски оригинально и витиевато.

— Зубная паста теперь в большом дефиците. А мыло, того и гляди, из свободной продажи исчезнет, — заявлял профессор Горбачев, смотря куда — то мимо собеседника, лукаво усмехаясь. — Я книжку полезную написал, а у издательства нет бумаги.

— А причем тут зубная паста и мыло? — недоумевал собеседник.

— Ну как же, — обнажал крупные неровные зубы Горбачев. — Все логично и по-философски объяснимо. Нет пищи, не нужна и зубная паста. Нет пищи и нет бумаги. Пища в данном случае первична, а зубная паста и бумага вторичны. Как

материя и сознание в понимании марксистско-ленинской философии.

— Ну, а мыло причем?

— Мыло — величайшее изобретение человечества. Без него не возможен процесс карьерного роста. Без него нельзя было бы подать руки подлецу. Да и таскать на демонстрациях портреты вождей тоже.

Тюрьма по Горбачеву лила слезы постоянно. Ходить бы ему в кандалах весь свой век. Но Николай Андреевич всегда умел закончить свою мысль настолько причудливо и замысловато, что понять до конца истинный смысл его философских изысков, ни у кого не хватало ума.

— Марксистско — ленинская философия есть вершина пролетарской мысли, — часто добавлял он в завершении своих высказываний. — И человеку умственного труда, не создающего материальных благ, разным там доцентам, профессорам и академикам не подвластны глубины пролетарского материализма и крестьянской диалектики. Впрочем, если вы не согласны со мной, то напишите на эту тему две докторские диссертации!

У любого, кто слышал такую тираду умных слов, тут же плавилась и закипали мозги. Да и не так прост на самом деле был Николай Андреевич при всей своей внешней простоте. Редкая его книга или публикация в научном журнале выходила без

соавторства с одним из высокопоставленных аппаратчиков обкома партии, человека, ограниченного в талантах, но неограниченного в своем влиянии...

— А может пропустить нам по рюмочке? — предложил Варшавский. — Тут недалеко есть хитрый подвальчик, там готовят замечательный коктейль «Тройка». Коньяк, шампанское и водка в одном стакане. Согревает за милую душу.

— Хорошая мысль, — согласился Штормин.

И они вместе с портретом Михаила Андреевича Сулова отправились в подвальчик, за глухую деревянную дверь именуемый «Деревяшкой». В отличие от соседней «Стегляшки», входная дверь которой была наполовину из стекла.

В кафе никого не было. Штормин с Варшавским уселись за массивный дубовый стол, покрытый ажурной белой скатертью. Рядом поставили портрет Сулова. Нехотя подошла официантка. Еще молодая, но уже располневшая, обабившаяся женщина в несвежем фартуке и дурацком кокошнике на голове. Раскрасневшееся лицо, потекшая под глазами тушь, слегка уже заплетающийся язык. Она была хорошо подшофе.

— Что будем пить? — спросила она, с равнодушно рассматривая портрет Сулова.

— Четыре «Тройки», — заказал Варшавский.

— А почему четыре?

— Два дедушке, — он указал пальцем на Михаила Андреевича.

— Нормалек, — произнесла официантка и надолго исчезла куда — то за прилавок.

— Теперь мы ее час прождем, не меньше, — констатировал Штормин.

— Не будь занудой, — ответил Варшавский. — У пролетариата сегодня законный праздник. Пусть гегемон слегка расслабится. И вообще, будь проще, мы с тобой будущие слуги народа.

— Да не хотелось бы. Что это за народ, который молится на такие иконы! — Штормин ткнул пальцем в Сулова. — Архангел Михаил.

— Другого нет, — парировал Варшавский. — В Библии написано: «Всякая власть от Бога».

— Да, здорово мы разгневали Всевышнего, раз у нас такая власть!

— Ну, это еще не худший вариант.

— Да в 1937 году нас бы за такие речи расстреляли!

— Теперь совсем другие времена. Государство не гнобит свой народ. При Леониде Ильиче отпущен поводок. Люди стали покупать телевизоры, холодильники, стиральные машины. Стали жить не в едином трудовом порыве, а для себя, для семьи. Это хороший знак.

— А война в Афганистане? — Штормин перешел на больную для него тему.

— Эта война, похоже, погубит Советский Союз. Страна со слабой экономикой не выдержит такой безумной гонки вооружений.

Тут появилась официантка. Пошатываясь, она принесла на подносе четыре коктейля. Не дожидаясь приглашения, по — хозяйски уселась за стол.

— Студенты? — спросила она с каким — то легким пренебрежением.

— Так точно, — ответил Варшавский.

— Не люблю студентов!

— Почему?

— Напоят бабу вот такой бурдой, — официантка указала пальцем с облезлым маникюром на стакан с коктейлем, — а в койку потом не ведут. Она рассмеялась каким-то искусственным смехом, а потом вдруг сделалась совсем печальной.

— Меня Мариной зовут.

Студенты по очереди представились, назвав имена и фамилии.

— Штормин? — переспросила официантка недоверчиво.

— Так точно.

Владимир пристально взглянул на женщину, пытаясь понять, кого она ему напоминает. Лицо ему

показалось знакомым.

— Что не нравлюсь? — воинственно спросила Марина, поправляя свой нелепый кокошник, съехавший набекрень. — Вот замуж никто не предлагает. Мне всего 27 лет, а будто старуха. Про таких разведенки, как мы в народе говорят «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано».

И она вновь рассмеялась своим нехорошим усталым смехом.

Штормин с Варшавским вернулись к университетскому корпусу как раз вовремя. Колонна демонстрантов двинулась на улицу Горького. Потом с революционными песнями и размахивая шариками, свернули направо в сторону площади Революции, где и располагались высокие трибуны с главными слугами народа Саратовской области.

— Да здравствует 1 — е мая — праздник освобожденного труда! — надрывался в микрофон, хорошо поставленный баритон.

— Ура! — кричал в ответ народ.

— Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель всех наших славных побед!

— Ура!

— Да здравствует великий советский народ!

— Ура!

А слуги народа с трибуны дружно помахивали

руками и красными гвоздиками ликующему народу.

Пройдя площадь колонны демонстрантов, сворачивали направо на улицу Радищева и быстро редели. Утомленные братанием с властью представители пролетариата, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции спешили побрататься с водкой, портвейном или на худой конец пообщаться с пивом под легендарную волжскую воблу.

Пройдя по улице Радищева вниз Штормин с Варшавским вновь оказались возле «Деревяшки».

— Зайдем? — предложил Сергей.

— Да нет, там обстановка слишком гнетущая. Лучше уж рванем в «Стекляшку». Тут недалеко.

Вернулся Штормин в общежитие ближе к полуночи изрядно навеселе. Вахтерша, заступившая на смену, ничего не сказала и лишь осуждающе посмотрела на него. Владимир по длинному коридору, то и дело, упираясь руками в стены, добрался до своей комнаты. С трудом открыл ключом замок. Не раздеваясь, он завалился на свою кровать и тревожно уснул.

Штормин очнулся от легкого и нежного прикосновения чьей — то холодной ладони к его разгоряченному лбу. Он хотел, было открыть глаза, но интуиция подсказала, что делать этого пока не стоит. И действительно, рука следом волнительно коснулась его щеки, потом оказалась на шее. Такая

же холодная и нежная. И возбуждающая до дрожи. Прошло еще мгновение и его иссохшие губы оказались в плену других губ, влажных и горячих. И сразу же слились воедино в длительном и страстном поцелуе. А чья-то рука уже судорожно расстегивала пуговицы на рубашке Штормина. Владимир не выдержал и открыл глаза. Да и глупо было дальше притворяться спящим. В комнате царил почти полный мрак, лишь отдаленный желтый фонарь на улице едва светил в окно. На узкой кровати рядом с Владимиром полулежала в неудобной позе обнаженная женщина. Ее фигуристое тело отливалось матовой белизной и казалось по — античному божественным. Лица Владимир сразу не разглядел, женщина страстно покрывала его грудь поцелуями. Но он ощутил какой — то особый приятный запах ее длинных густых русых волос. Это был едва уловимый запах полевой ромашки. Женщина распалась все больше и больше, стянула со Штормина джинсы и горячим языком принялась водить по его животу. Владимир не выдержал такой сладкой пытки, нежно взял его за голову и развернул к себе. Он готов был увидеть любое знакомое, и даже незнакомое лицо студентки их факультета. Поклонниц водилось немало. Но в женщине он хотя и не сразу, но узнал Марину. Ту самую, из «Деревяшки». Как она преобразилась в его глазах!

Как же он там, в кафе не заметил ее природной красоты! Огромных страстных очей, узкой аристократической ладони с нежной бархатной кожей.

— Это ты? — вопрос прозвучал глупо, как и последующий ее ответ:

— Это я.

И она вновь, тяжело дыша от возбуждения, принялась его страстно целовать и заковывать в крепкие страстные объятия.

Молодые горячие плоти, переполненные жизненными силами и соками, неутомимы в любви, самом прекрасном, сладком и самом божественном из чувств. Недаром говорится, чего хочет женщина, того же хочет и Бог!

Они насладились друг другом только под утро, когда солнце бессовестно стало подглядывать за ними в окно. Марина встала с кровати, грациозно потянулась, продемонстрировав в очередной раз великолепие своей фигуры. Даже одевалась она как-то задумчиво, не спеша. Так уходят от мужчин женщины, уверенные в своей неотразимой привлекательности. Обессиленный страстной ночью любви, Штормин лежал под одеялом и не знал, что сказать ей. Какие — то глупые мысли роились в голове.

— А как ты попала в мою комнату? Как ты нашла меня? — спросил Владимир, понимая, что

этот вопрос теперь уже неуместен.

— Моя старшая сестра Татьяна работает комендантом этого общежития, — мило улыбнувшись, ответила Марина. — Ты же в кафе назвал свою фамилию.

— Я что же, тебе так понравился там?

— Нет, студент.

— Не понял.

Марина уже оделась, подошла к двери, но вдруг развернулась и грустным голосом с печальным выражением произнесла:

— Заломаю плечи,
Закушу губу.
И потухнут свечи,
Как закат в снегу.

Обниму до боли,
Шелк одежд сорву.
Изомну как в поле
Мнут порой траву.

И уж не робея
С нежностью стонать,
В ласках захмелея,
Станешь целовать.

И совсем растаешь.

Хоть порой и губят,
Ты сполна узнаешь,
Как поэты любят!

Штормин был поражен. Это были его стихи. Из того самого цикла любовной лирики под названием «Скошенное лето». Сборника, который недавно отвергли редакторы всех саратовских издательств. В стране с ее бескрайней сибирской тайгой действительно не хватало бумаги. Но эти чувственные стихи с поразительной быстротой стали распространяться в студенческой среде.

— Вот я и хотела узнать, как поэты любят! — сказала Марина и, не прощаясь, вышла за дверь...

Глава 4. В Эдемском Саду

На самом деле Рай — то место, где человек родился, провел свои детские годы, которые, как ни крути, и есть самые счастливые в нашей жизни. И куда бы судьба в дальнейшем не забросила, как не распорядилась бы и каким благополучием не одарила на чужбине, человека всегда будет тянуть в те края, где впервые пробудилось его сознание. На Родину, в Рай...

Адам жил в небольшом населенном пункте, который назывался Эдемским Садам. Это был достаточно шумный и многоликий городок в

верховьях Евфрата, потому как жили в нем не только крестьяне, выращивавшие пшеницу и виноград, не только животноводы, разводившие коз и овец, но и гончары, ткачи, оружейники, ювелиры и прочие ремесленных дел мастера. А также музыканты, поэты, художники, артисты и представители других творческих профессий. Жили дружно и в горе и в радости. Работали, не покладая рук, а отдыхать от трудов праведных предпочитали в огромном яблоневом саду, который примыкал к одной из окраин городка.

Адам был круглой сиротой, не знавшим ни рода своего, ни племени. Однажды, будучи еще ребенком, он спросил у соседа, седовласого высокого старика со сморщенным лицом и огромной белой бородой, которому по поверью было сто лет:

— Дедушка, а где мои папа и мама?

Старец, одетый в длинный белый балахон, стоял, опершись на кривую клюку, и не знал, что ему ответить. Но он слыл мудрецом и не мог оставить без ответа детский вопрос. Он заботливо погладил мальчика по кудрявой голове и рассказал ему такую историю.

— У тебя не было мамы и папы. Тебя сотворил Бог. По образу и подобию своему. Он взял кусочек белой глины у гончара Якова, вылепил туловище. А затем приделал к нему ручки, ножки,

головку. Получился маленький глиняный человечек. Потом Бог вдохнул в него душу.

— И появился я? — обрадовался Адам.

— И появился ты, — улыбнулся старец.

— Значит, я сын Бога? — ребенок с надеждой и страхом взглянул на старца.

— Все мы дети Божьи, — ответил тот, глядя куда — то в сторону. — Во всяком случае, все мы такими рождаемся. Беги, поиграй с детками в догонялки.

И обрадованный мальчик побежал к сверстникам, которые недалеко на городской площади гонялись друг за другом с хохотом и радостными взвизгами, поднимая голыми грязными пятками белесую песчаную пыль.

Вскоре мальчик подрос и превратился в высокого стройного и очень красивого юношу. Многие девушки Эдемского Сада заглядывались на него и грезили им в своих беспокойных снах.

Однажды Адам, гуляя за городом по аллеям между цветущих яблонь, в зарослях кустов крупных, дивно пахнущих багряных роз заметил девушку божественной красоты, которая в тайне наблюдала за ним. Он подошел к ней, протянул руку, вывел на аллею и спросил своим звонким мелодичным голосом:

— Как зовут тебя, красавица?

— Лилит, — ответила она, густо покраснев и

опустив глаза долу.

Адам залюбовался ею. В отличие девушек Эдемского Сада, имевших черные смоляные волосы и смуглую кожу, Лилит была русоволосой девушкой. Высокая грудь, узкая талия, стройные бедра, тонкая шея, бледность покатых плеч, огромные глаза чистейшего изумрудного цвета под длинными пушистыми ресницами. Брови ее были тонкими, губы сочными бледно-розовыми. Тонкий голубой хитон облегал тело, пахнущее жасмином.

— Почему я тебя раньше не видел в Эдемском саду? — удивился Адам, откровенно любуясь девушкой.

— А мы только вчера приехали. Мы раньше жили в соседнем местечке. В Райских Куцах. Но папу повысили по службе, и вся наша семья отправилась с ним сюда.

— А кто твой папа?

— Ой, — Лилит звонко рассмеялась. — Он важный человек. Высокопоставленный чиновник. Он теперь в Эдемском Саду будет занимать самую верховную должность!

— Твой отец экзарх?!

— Да, но он очень добрый и справедливый человек. Подданные любят и уважают его. А в Райских Куцах даже не хотели отпускать сюда к вам.

Адам несколько смутился от такого признания

Лилит. Сам он считался представителем бедняцкого сословия, круглая сирота, грамоты не знал, приличным манерам не был научен. На жизнь зарабатывал тяжелым трудом сборщика винограда, жил в тесной глиняной лачуге недалеко от реки.

— А хочешь, я тебя со своим папой познакомлю?

— Нет, — почти крикнул Адам, не на шутку испугавшись. Предыдущий экзарх был жесток к простым и бедным людям. Когда он ехал в золоченой карете по улицам Эдемского Сада, его со всех сторон окружали черные всадники на ретивых конях. И всякого, кто пытался прорваться к правителю с жалобой, мольбой или простой просьбой, они нещадно стегали нагайками. Однажды и Адаму досталось. Рваная рана на плече потом не заживала много дней.

— Ну, тогда пошли купаться, — бесхитростно предложила Лилит, взяв Адама за руку. — Далеко отсюда река?

— Совсем рядом. Но вода сейчас очень холодная.

Взявшись за руки, Адам и Лилит побежали вниз к реке и уже через несколько минут оказались на берегу Евфрата. Яркий золотистый песок у самой воды порос мягкой зеленой травой, кое-где встречались заросли пышных, источающих нежный дурман кустарников весьма причудливой формы. В

небе светило жаркое солнце, хотя день уже клонился к вечеру.

— Хочу купаться! — рассмеялась Лилит, ловко стянула с себя голубой хитон, обнажив великолепие нагого тела, и с разгону кинулась в прозрачные воды Евфрата.

Адам тоже быстро скинул с себя одежды и вплавь устремился навстречу Лилит.

В воде их тела цепко сплелись, губы слились в страстном поцелуе. Казалось, никакие превратности судьбы не в состоянии оторвать их друг от друга.

А когда солнце ушло за горизонт и над рекой загустели первые сумерки, Адам и Лилит отправились в глиняную лачугу Адама и там, на тонкой циновке из камыша, сгорая от страсти, провели ночь любви. В ту теплую лунную ночь они одновременно повзрослели, одновременно стали мужчиной и женщиной.

Влюбленные создания еще крепко спали на полу, забыв прикрыть одеждой свои обнаженные тела, как в глиняную лачугу бесшумно ворвались два черных человека из охраны экзарха. Один из них схватил Лилит за волосы и быстро вытащил наружу. Второй с каким — то садистским остервенением принялся избивать Адама. Он не просто колотил парня, он ломал ему ребра и отбивал печень. Тяжелым подкованным сапогом он пытался пробить Адаму голову, изувечить лицо.

Жестокое избиение продолжалось до тех пор, пока юноша не потерял сознание.

Адам очнулся на рассвете следующего дня от прикосновения чего-то мокрого и холодного к пылающему лбу. Он едва раскрыл заплывшие от синяков глаза и в смутном свете своей лачуги увидел седого старца с длинной белой бородой. Того самого мудреца. Он склонился к нему, поправляя на лбу тряпицу, смоченную водой. Адам протяжно застонал.

— Потерпи, — приказал старик. — Иначе ты навеки останешься калекой. — Ребра со временем срастутся, ушибы заживут. Главное сейчас, вылечить твое сотрясение мозга.

— Дедушка, — едва слышно прошептал Адам. — За что они меня так?

— Люди злы и завистливы, — ответил старик. — Они завидуют молодости других, богатству других, успеху и славы других. И потому некоторые из них очень злые.

— Но у меня нет богатства, нет славы. Я простой бедный человек.

— Ты молод и красив. А это немало для того, чтобы добиться в жизни успеха. Ты вскружил голову дочери экзарха. А ведь у нее есть жених. Очень богатый, очень влиятельный, очень коварный. И очень завистливый.

— Вся злость от зависти?

— Не только. Зло многообразно и порой совершенно необъяснимо. Оно рождается вместе с человеком. С человеком, рожденным от злых родителей. Зло передается из поколения в поколение как недоброе семя. По наследству.

— Дедушка, — Адам на мгновение запнулся. — А почему Бог не защитил меня? Ведь я Его сын, ты сам мне об этом рассказывал.

— Знаешь что, — засуетился вдруг старец. — Многие мне задают этот вопрос. Не ты первый и не ты последний кого он мучил, и будет мучить многие века и тысячелетия. Нет на него простого ответа. Ты лежи тут, выздоравливай, а я пойду пожалуй. Я там тебе сыра принес, молока кислого. Найдешь на полочке у окошка. Набирайся сил. Живи долго и счастливо. И придет тот час, может быть, когда ты сам сможешь ответить на свой вопрос.

Мудрец, кряхтя от старости, вышел из лачуги. На прощанье он обернулся и как-то невпопад заявил:

— А женой тебе станет та женщина, которая сделана из твоего сломанного ребра.

Больше Адам его не видел. На следующий день старец скончался.

Только через неделю Адам смог встать на ноги. Ребра еще не срослись, и грудь страшно болела, опухоль на лице не прошла, отбитые

внутренности пылали огнем. Но голод в молодом организме способен пересилить любую болезнь. Адам отправился в город. Он шел долго, хромя на правую ногу, часто останавливался и от усталости валился на дорогу. Придя в себя, вставал и, сгорбившись, как старик продолжал путь. Почти на самом закате солнца добрался он до храма. Там на паперти собралось уже два десятка калек.

Хромой у храма — как это символично во все века!

Адам почти год прожил в компании бродяг — инвалидов. Ребра кое-как срослись, нога хромала меньше, обезображенное лицо поджило. Походил он теперь не на прекрасного юношу, на которого раньше засматривались все девушки Эдемского Сада, а на невзрачного худого попрошайку, который был не в состоянии прокормить себя праведным трудом. Бывшие знакомые не узнавали его. Подавали ему, как и всем бродягам редко, по праздникам, да в минуты душевной радости. Свою лачугу Адам забросил, добираться от нее ежедневно до храма было тяжело и небезопасно. Всякий мог обидеть хромого калеку. И словом недобрым и кулаком тяжелым.

Однажды в большой праздник мимо храма с маленьким ребенком проходила молодая женщина. Не то, чтобы она была красива и стройна, но, скажем так мила, даже симпатична. Адам сидел на

паперти в грязных обносках, обросший, немывтый, беззубый и с божественной улыбкой на лице жевал кусочек черствого хлеба. Женщина остановилась около него, пристально заглянула Адаму в лицо, долго о чем-то думала, очевидно, мучительно вспоминала, прежде чем обратилась к оборванцу:

— Как зовут тебя, добрый человек?

— Адамом.

— А не тот ли ты Адам, который жил у реки, испортил дочь экзарха и был после этого убит его верными слугами?

— Да, это я, — Адам от удивления перестал жевать. — А почему ты говоришь, добрая женщина, что я был убит слугами экзарха? Я ведь с божьей помощью пока живой.

— Я говорю то, что слышала от людей. Люди так говорят.

— А что они еще говорят?

— Разное говорят. Тебя интересует та девушка, от которой ты пострадал, став калекой?

— Да, — сознался Адам. — Она меня очень интересует.

— Отец отправил ее в другой город. Никто не знает куда.

— Спасибо тебе, добрая женщина, — тихо произнес Адам. — Пусть Бог поможет тебе стать счастливой. Я буду за тебя молиться.

Женщина вдруг кокетливо рассмеялась,

высокая грудь ее, выпиравшая из тесного белого хитона, соблазнительно заколыхалась.

— Зачем ты надо мною смеешься? — обиделся Адам. — Я ведь не делал тебе зла.

Но женщина продолжала обворожительно смеяться. А вслед за ней стал улыбаться и ее ребенок.

— Каин, — спросила женщина мальчика. — Тебе нравится этот дядя?

— Нравится, — продолжал улыбаться ребенок, глядя на Адама.

— А хочешь, чтобы он стал твоим папой?

— Хочу.

Женщина перестала смеяться и как-то оценивающе взглянула на Адама, поправила прическу, а потом беззастенчиво произнесла:

— Меня зовут Евой. А это мой ребенок. Его отец недавно умер от неизвестной болезни. Мальчик очень страдает, плохо ест, не спит по ночам и ни с кем из соседских детей не хочет дружить. Я живу здесь рядом. За углом этого храма. У меня свой просторный дом, полны закрома еды. Я хорошая хозяйка и умелая любовница. Пойдем с нами Адам. Ты не пожалеешь. Только люби меня до гроба. Меня и моего мальчика.

Адам сразу не поверил ее словам. Уж больно сказочным было такое предложение.

— Мне надо подумать, — произнес он тихо.

— Ну, что же, думай, — также тихо ответила Ева. — Но не затягивай с решением. Я долго ждать не могу. Я женщина впечатлительная, знойная. У меня много поклонников. Но они мне не интересны. Потому, что я та, которая сделана из твоего сломанного ребра, — она вновь звонко рассмеялась. — Где найти меня, ты теперь знаешь.

Пылкое солнце взошло на середину небосвода. Тени стали совсем короткими. Жестокий полуденный зной гнал людей в прохладу жилищ и к водам реки и бассейнов. Площадь перед храмом опустела.

Вновь засмеявшись, но уже как-то невесело, как-то искусственно Ева грациозной походкой пошла в сторону своего дома, ведя за руку вертлявого Каина. А Адам тут же вспомнил слова, сказанные ему старцем накануне смерти в лачуге.

На следующий день Адам поселился у Евы. И стали они жить душа в душу. Через девять месяцев Ева родила Адаму Авеля. И потом каждый год приносила по ребенку. То мальчика, то девочку.

Адам теперь не мог работать на виноградных плантациях по найму. Жара и слабое здоровье быстро утомляли его. Рыбу на продажу Адам тоже не ловил. Студеный ветер от реки и больная спина не позволяли. Но во дворе у Евы рос свой виноград и был обустроен небольшой пруд, в котором водились довольно крупные караси.

Адам работал больше по дому. То крыльцо починит, то забор поправит, до дорожки во дворе песком обновит, то яблони побелит, то траву сорную выкосит. Дел по дому всегда и во все времена много...

Ева тоже была справной хозяйкой, заботливой матерью, доброй женой и страстной любовницей. Старшие дети уже подросли. Каин занялся земледелием, Авель успешно разводил коз и овец. Богатство в доме прирастало с каждым днем. Многие стали откровенно завидовать Каину и семейству его. В гости перестали ходить, с праздниками поздравлять, на улице здороваться. А зависть людская, как известно, семейное счастье может и разрушить.

Однажды Адам починял в очередной раз забор. Мимо шел вполне пожилой и разумный сосед Илья. Многие его на их улице, правда, недолго любили за нехороший и длинный язык.

— Привет, Адам, — сказал Илья, поравнявшись с Адамом.

— Привет, сосед.

— Забор починяешь?

— Да вот, пару досок надо обновить. А как у тебя дела, Илья?

Сосед задумался и как-то нехорошо, злобно взглянул на Адама.

— А жена твоя, Ева, где сейчас?

— В саду за городом.

— И ты уверен в этом, Адам?

— Конечно, уверен. Вернется вечером, принесет яблоки, груши, апельсины.

— Так у вас же в своем саду этого добра навалом. Зачем ей ходит ежедневно за город в сад? В такую даль по жаре и пыли.

— Ну, это не твое дело, Илья, — насупился Адам. — Это наше, семейное дело.

— Конечно семейное дело, — согласился Илья, ехидно улыбаясь, — Когда она тебе только детей успевает рожать. Сколько их уже у вас, десять?

— Двенадцать, — ответил Адам.

— А твоих сколько?

— Все мои, Каина я люблю не меньше других детей.

— Да я не про Каина. Я о других. Все дети не твои, Адам! Все они нагулянные от других мужиков. Раскрой глаза. Об этом все бабы на улице судачат.

Адам не на шутку разозлился на соседа и даже хотел поначалу огреть его доской, но какая — то внутренняя сила, внутренняя уверенность в своей правде остановили его.

— Шел бы ты, Илья, отсюда подобру-поздорову своей дорогой. Не ровен час, услышит Каин, а рука у него тяжелая.

— Угрожаешь?

— Да нет, предупреждаю.

И Адам ушел в дом, сел за стол и опечалился. Действительно Ева все дни с утра до вечера проводила в яблоневом саду за городом. Посеял в его душе сомнения злобный сосед. И стали эти сомнения травить ему душу, нарастая изо дня в день.

И не выдержал Адам душевной муки. И отправился однажды под вечер в яблоневый сад за город. Долго добирался, темнеть уже изрядно стало. Шел он не аллеями сада, а пробирался через малиновые заросли, хоронился от людских глаз как преступник, как кровавый злодей. И вдруг услышал неподалеку голос Евы. Звонкий, мелодичный. Расслышал он и другие голоса, женские, мужские, юношеские и совсем еще детские. Подкрался ближе как мог. И увидел жену свою. Ева в окружении мужчин и женщин, юношей и детей обирала крупные красные яблоки с высоких ветвей.

У Адама отлегло на душе. Гнусным клеветником оказался сосед. Вздохнул он протяжно и чуть не заплакал от счастья. Таким и увидела его Ева. Подбежала, обняла.

— А ты никак с проверкой сюда заявился, муж мой ревнивый? — рассмеялась Ева, целуя Адама в худую и давно небритую щеку. — Съешь лучше вот это яблочко. Смотри, какое оно красивое,

сочное.

Рассмеялись и сборщики яблок, мужчины и женщины, юноши и дети. И лишь одна стерва стояла рядом со злым ненавистным лицом, плотно поджав губы. Затем она развернулась и тихо незаметно ушла из сада.

Адам откусил большой, зрелый плод. Яблоко действительно оказалось очень сочным и очень вкусным.

А наутро соседа Илью жители Эдемского Сада нашли в канаве с перерезанным горлом. Окровавленный серп, орудие убийства нашелся неподалеку от дома Адама и Евы.

По городку потянулись нехорошие слухи. В убийстве Ильи многие подозревали Каина, юношу горячего и скорого на руку.

Через три дня к дому Адама и Евы прискакали три черных всадника на ретивых вороных конях. Спешившись, они, молча, прошли в дом. Огромные мужчины с нагайками, зажатыми в крепких кулаках. Адам с Евой сидели за столом, обедали. Младшие детишки гуляли во дворе.

— Ты Адам? — глухим голосом спросил один из стражников.

— Да, это я.

— А сын твой, Каин, где?

— Зачем он вам? — испуганно спросила Ева. — Нет его в доме, в поле за городом он землю

пашет.

Один из черных всадников исподлобья посмотрел на Адама тяжелым взглядом:

— Ваш сын подозревается в убийстве. Мы должны его арестовать и отправить в тюрьму. Это приказ экзарха.

— Наш сын ни в чем не виновен, — сказала Ева. — Он не сделал людям ничего плохого.

— А это уж не вам решать, — перебил ее все тот же черный стражник. — Это решат суд и экзарх!

— Но Каина нет дома, — повторилась Ева.

— Тогда мы заберем его. В заложники. Покуда Каин не вернется в город, — произнес черный всадник, указывая нагайкой на Адама.

— А его за что? — всполошилась Ева. — Он старый больной человек. Он не может сидеть в тюрьме с больной спиной и покалеченной ногой.

— Взять его! — приказал старший стражник.

Двое других черных всадника подскочили к столу и схватили Адама. Ева залилась слезами, пыталась освободить мужа. Но один из стражников развернулся и сильно огрел ее нагайкой. Лицо Евы залилось кровью. Черные стражники связали Адама, вывели на улицу, веревку прикрепили к седлу старшего всадника. Он стремительно вскочил на своего черного жеребца и злобно хлестнул его кнутом. Конь поднялся на дыбы и с места рванул в

карьер. Двое других стражников поскакали за ним. Сзади на веревке, прикрепленной к седлу, поднимая густую пыль, волочился Адам. Его одежда и кожа быстро превратились в лохмотья, ломались ребра, руки, ноги, окровавилось все тело.

Адама черные стражники бросили в глубокую темницу, облив перед уходом грязной протухлой водой из помойного ведра. Он даже оклематься не успел. Черные люди вернулись ночью, подхватили его под мышки и как мешок с картошкой небрежно вытащили из темницы. Поволокли дальше и бросили в каком-то дворе под финиковой пальмой.

— Ты кто? — услышал Адам грозный голос, доносящийся откуда — то сверху.

— Я Адам, — ответил он едва слышно, собрав воедино последние силы.

— А я экзарх, — послышался голос сверху. — Давно я хочу тебя увидеть, Адам. А ты не желаешь со мной познакомиться? Подними голову.

Адам перевернулся на спину и увидел звездное небо. Ковш Большой медведицы, Млечный путь с мириадами звезд, тоненький серп луны. Потом он едва склонил голову направо и увидел экзарха. Грузного и уже немолодого человека в пурпурной мантии, сидящего на золоченом троне. Глаза экзарха горели злобой, губы были плотно сжаты, на них появилась пузырящаяся пена.

— Так кто ты? — переспросил правитель Эдемского сада.

— Адам.

— А чей ты? Кто твои родители?

— Я — сын Бога.

— Что?! — взревел экзарх. — Чей ты сын, повтори!

— Я — сын Бога, — прошептал Адам.

— Какого Бога?

— Моего Бога.

— Так, — еще сильнее обозлился экзарх. — Ну, раз ты сын самого Бога, Всевышнего, Вседержителя, Творца и Властителя, то пусть сейчас разверзнутся небеса, и твой Отец защитит тебя! А меня Он пусть покарает!

Экзарх рассмеялся демоническим смехом, встал с трона и носком красного сафьянового сапога больно пнул Адама в покалеченную грудь.

— Почему молчишь? Почему не просишь пощады, червь земляной? Я ведь могу и казнить тебя и помиловать! Проси пощады! Проси как у Бога!

Но Адам уже не имел сил, ни спорить с экзархом, ни просить у него что — либо. Он лишь хрипел и даже стонать не мог.

— Ягуда! — крикнул экзарх.

Тут же к правителю подбежал тот самый черный стражник, что правил ретивым вороным

конем, когда волок за собой на веревке Адама.

— В темницу его! — скомандовал экзарх. —
А поутру забить камнями!

Адама снова бросили в подвал. Он закрыл глаза и забылся.

Но через какое — то время женская рука осторожно коснулась его плеча. Адам открыл глаза и в полутьме увидел облик Евы. Он узнал ее сразу, по наитию. Так младенцы узнают свою мать в первые месяцы жизни. Рядом с Евой стояла еще одна женщина.

— Кто это? — прошептал Адам.

— Это Лилит.

— Лилит?

— Да, это она. Лилит поможет нам бежать?

— Куда?

— Бежать из Рая.

Женщины осторожно вытащили Адама из темницы и погрузили на телегу. Ева уселась рядом с мужем, Лилит взялась управлять конями. Под покровом ночи они неузнанные никем, тайно подъехали к Евфрату. Там их уже ждали Каин и Авель.

— А где же наши дочери и младшие сыновья? — едва слышно спросил Адам у Евы. — Почему их нет здесь с нами?

— Наши дочери и младшие сыновья останутся в Раю. Им не угрожает опасность. Лилит

позаботится о них. Тем более своих детей у нее нет, и уже не будет.

Каин с Авелем быстро грузили вещи на второпях сколоченный плот. Туда же на плот они затем осторожно перенесли отца, подстелив заботливо под его окровавленное тело толстую циновку.

— Пора прощаться, — засуетилась Лилит, — черные всадники уже седлают коней.

— Да, пора прощаться, — Ева поцеловала спасительницу в губы.

Они вместе вошли в воду и толкнули плот. Ева быстро вскочила на него, а Лилит осталась стоять по пояс в реке и махать на прощание рукой. Каин с Авелем налегли на весла, и плот быстро вынесло на середину Евфрата, на самую стремнину.

А черные всадники, грозно размахивая нагайками, уже спустились с холма и рысью приближались к реке...

Глава 5. И между сессиями

Комсомольский оперотряд — это почти тоже, что и студенческая добровольная народная дружина, только без девчонок и красных повязок на руке. В ДНД сгоняли всех, порою против воли, а в оперативные отряды записывали спортсменов силовых видов спорта и единоборцев и от природы

крепких ребят. Попасть в такой отряд считалось даже престижным. Ну и конечно романтика и тяга к приключениям многим в те годы не давала покоя.

Ближайший опорный пункт милиции располагался на той же улице Рабочей, что и общежитие студентов-биологов. В тот майский субботний день на свое первое вечернее дежурство вместе со Шторминым отправились два его одноклассника и ближайших друга Олег Кочерженко и Владимир Великов.

Опорный пункт представлял собой небольшую комнату в очень протяженном многоподъездном девятиэтажном доме, который все справедливо называли лежачим небоскребом. В комнате имелся разбитый письменный стол, три шатающихся стула и старенький шкаф с облупленной полировкой, набитый какими-то бумагами, пустыми пивными и водочными бутылками, грязными тряпками и прочим хламом.

Дежурили в тот вечер капитан Осипов и сержант Кривоногов, а Штормин, Кочерженко и Великов были приданы им в усиление. Но как только студенты появились в комнате, стало понятно, что стульев на всех не хватает, да и разговаривать друг с другом особенно не о чем. Накатывала банальная скука, с которой предстояло бороться ближайšie четыре часа. Милиционерам было неудобно перед студентами распивать

портвейн, студентам было неловко перед милиционерами играть в карточный покер. Ситуацию разрешил капитан Осипов, грузный мужчина с тяжелыми и неприветливыми чертами лица:

— Ребята, — сказал он задумчиво, глядя в окно, за которым расцвела шикарная белая сирень, — мне в районный отдел милиции нужно срочно. Вы тут подежурьте без меня. А если что случится, то звоните по телефону. И продиктовал свой домашний номер.

Через пару минут он ушел, неумело насвистывая какой-то шлягер. Сержант Кривоногов, маленький, худенький, похожий на подростка милиционер в форме на два размера больше, которая смотрелась на нем, как пиджак на огородном пугале, тоже засуетился. Он суетливо ходил по комнате, не зная чем заняться. То надевал на голову фуражку, которая проваливалась до самых ушей, то снимал ее и вешал на гвоздь. Да и опять же стульев на всех не хватало.

— Ребята, — печально произнес сержант, — мне в районный отдел милиции нужно срочно. Если что вдруг случится, немедленно мне звоните по телефону. И назвал свой домашний номер. — А будете уходить, ключ от комнаты положите под коврик.

Кривоногов напялил на уши фуражку и,

насвистывая какой — то шлягер, отправился восвояси. А студенты, усевшись за столом, раскинули картишки. На самом деле играли они в покер редко: в купе поезда, на вокзале, иногда в общежитии. В тех нечастых случаях, когда приходилось убивать время. Не на интерес, но весьма азартно. Особенно эмоционально воспринимал игру Великов. Он и руками размахивал, и смеялся, и больше других обижался, если доводилось проигрывать. Кочерженко обладал флегматическим темпераментом, был более сдержан и потому лучше контролировал ход игры. Штормин играть в карты не любил, да и толком не умел. Поэтому в основном проигрывал своим друзьям. И как любой спортсмен злился на себя, если фортуна предпочитала другого.

— А, может, и нам пора домой? — предложил Штормин. В этот день ему в карты явно не везло.

— Нет, будем сидеть тут до конца, — воспротивился Великов. Он был очень ответственным студентом.

— Посидим еще часок и разойдемся, — нашел компромиссное решение Кочерженко.

Но тут дверь в опорный пункт резко распахнулась и на пороге появилась женщина лет сорока, взволнованная и чрезвычайно напуганная. Рядом с ней стояла маленькая худенькая девочка с заплаканными глазами.

— Здесь милиция? — спросила женщина, с удивлением рассматривая студентов.

— Здесь.

— Тогда срочно идемте на задержание преступника! — решительно скомандовала она.

— Какого преступника?

— Моего бывшего мужа. Мы с ним развелись три года назад, но живем в одной квартире, не можем «двушку» разменять. А он когда напьется, становится агрессивным. Хватается за нож и гоняет нас с дочерью, пока его милиция не угомонит. Вот такенный у него нож!

Женщина раздвинула ладони и указала невероятно огромные размеры. Так поступают рыбаки, когда хотят друг перед другом похвастаться величиной пойманной щуки. Девочка при этом разревелась, что придало ситуации совершенно жуткий оттенок.

— Куда идти? — спросил Штормин, глядя на Кочерженко.

— Тут рядом, за углом, — ответила женщина. Девочка и вовсе закатилась в истерику.

Они выскочили на улицу. Женщина с девочкой указывали дорогу, Штормин и Кочерженко, молча, следовали за ними. Великов остался в опорном пункте, засев за телефон.

Двухэтажный дом, в котором находился преступник, был старой дореволюционной

постройки, с разбитым крыльцом, плохим освещением в подъезде и замысловатыми коридорами. Но что больше всего было удивительно, напротив как раз располагалось здание РОВД Октябрьского района Саратова.

Подойдя к дому, девочка неожиданно успокоилась, перестав плакать. Однако женщина сделалась очень агрессивной, заявив угрожающе:

— У мужа белая горячка. Он любого пырнет ножом, особо не раздумывая. И еще он мастер спорта по боксу!

Штормин вдруг почувствовал, что теряет привычное сознание. В голове его рождается одна единственная установка — победить любой ценой. Только так можно выжить в смертельной схватке. Все остальные мысли просто улетучились, заработал автопилот. Это было сосредоточение бойца, нацеленного на опасное дело.

Женщина подошла к входной двери своей квартиры, осторожно отперла ее ключом и первой вошла внутрь. Не включая света, она указала пальцем на комнату мужа, прошептав едва слышно:

— Он там прячется. Вместе с ножом. Видите, у него электричество горит?

Действительно, сквозь тонкую щель снизу пробивалась узкая полоска света. Дверь была довольно тонкой, однако никаких звуков за ней не слышалось.

Штормин одним ударом кин — гери правой ноги снес дверь с петель. Он ворвался в комнату, слева на диване лежал довольно мелкий мужчина в заношенном трико и несвежей майке. Обычный на вид человек с небритым и заспанным лицом. Он был страшно удивлен и едва успел приподняться с дивана, как Штормин нанес ему в голову сокрушительный удар майе-гери левой ногой. Но он поскользнулся на каком-то половике, лежавшем на полу. И задуманный изначально мощный удар до конца не достиг цели. Однако мужчина тут же рухнул на пол. Подскочивший следом Кочерженко развернул его на живот, заломил за спиной руки и принялся их связывать непонятно откуда подвернувшимся полотенцем. Операция по задержанию опасного преступника длилась считанные секунды.

Когда Владимир и Олег потащили мужчину к пикету милиции, следом за ними гордо шествовала женщина, ведя за руку, вновь разревевшуюся девочку. У подъезда уже стояли желтая машина с нарядом милиции, белая карета «скорой помощи» и красный автомобиль с пожарным расчетом. Это Великов поднял на ноги все экстренные городские службы. На крыльце суетились явно перепуганные капитан Осипов, сержант Кривоногов и еще несколько милицейских и прочих чинов. Мужчину, который, похоже, мало что соображал, чуть ли не

волоком втащили в комнату пикета милиции. Там тоже находилось народу предостаточно. А за столом сидел грозный майор. Олег Кочерженко подошел к нему и выложил на стол газетный сверток.

— Что это? — спросил майор.

— Это вещественное доказательство, — спокойно ответил Олег.

Майор осторожно развернул сверток. На стол выпал огромный тесак, каким в деревнях с одного удара забивают кабанов.

Арестованного подвели к майору, он взглянул на него так, будто знал его хорошо. И арестованный посмотрел на майора как — то странно...

Весна в Саратове развивается стремительно, как и во многих других, в общем-то, южных городах. До апреля на улицах может лежать снег попеременно с грязью. И кажется, что никогда этому природному безобразию не наступит конец. Но затем резко пригревает солнце, с веселым журчанием всюду бегут ручьи и спустя несколько дней от скоротечной весны остаются одни сумбурные воспоминания. Шапки, куртки, зимнюю обувь долой. Погода устанавливается почти летняя, прерываясь лишь короткими заморозками в период цветения черемухи. А там уж и до настоящего лета рукой недалеко подать. Впрочем, год на год не приходится.

Володя Штормин вышел из опорного пункта милиции, когда над городом уже нависла ночная мгла. Улица Рабочая, расположенная в центре Саратова, хорошо освещалась, но была немногочлюдна в эти часы в отличие от проспекта Кирова или улиц Горького и Радищева, где молодежь могла проводить досуг в немногочисленных кафе и барах. До общежития было рукой подать, всего каких-то двести, триста шагов. У строительного техникума Штормин заметил три фигуры, молодую женщину в бежевом плаще, держащей в руках букет сирени и двух парней крепкого телосложения в красных коротких спортивных куртках. Володя шел по другой стороне улицы и был под большим впечатлением от недавнего задержания преступника.

Вдруг женщина громко закричала:

— Помогите!

Штормин не задумываясь, в мгновение ока, подлетел к странной троице. Один парень схватил женщину за горло и пытался душить ее. Второй замахнулся, чтобы ударить ее кулаком наотмашь. Володя высоко подпрыгнул и ударом йоко-гери сразил второго парня наповал. Первый машинально оттолкнул от себя женщину, развернулся в сторону Штормина и принял боксерскую стойку. И тут Володя схитрил. Он очень любил этот хитрый удар, который боксеры, в отличие от каратистов и

мастеров других боевых искусств Востока, всегда пропускают. Штормин пробил ура — маваша — гери, сложный, но мощный удар ногой с разворотом на сто восемьдесят градусов. Соперник не устоял и, потеряв сознание, рухнул на землю. Женщина вновь громко закричала, выронив ветки сирени из рук:

— Убивают!

Но Штормин как, ни в чем не бывало, развернулся и направился в общежитие. Он сделал уже десяток шагов, прежде чем услышал за спиной хриплый голос женщины:

— Молодой человек, ради бога, подождите.

Володя обернулся. Незнакомка шаткой походкой, прихрамывая на правую ногу, спешила к нему. Она показалась Штормину симпатичной, даже красивой, вот только косметика поплыла по ее покрасневшему лицу.

— Я думала, это Антон.

— Какой Антон? — не понял ее Володя.

— Я вас спутала с Антоном. Он куда — то отошел и должен был вернуться.

— Кто такой Антон?

— Да так, один мерзавец, приятель моего мужа. Он очень опасный тип.

— Как те двое? — усмехнулся Штормин, внутренне гордясь своим превосходством.

— Нет, Антон — мент. Нам надо срочно

уходить отсюда. Надеюсь, вы проводите меня до дома. Я живу совсем недалеко. На улице Рабочей напротив университетского общежития. Меня зовут Анастасия, можно просто Настя.

От нее пахло вином, сигаретами и дорогими духами. А в огромных голубых глазах отчетливо просматривались испуг и надежда на спасение.

— А меня зовут Владимир, — представился Штормин. И я как раз живу в том общежитии. Давайте я вас провожу до дома.

Настя улыбнулась загадочно, видно, она умела быстро находить контакт с мужчинами.

— Можно я возьму вас за руку? — произнесла она тихим томным голосом. — Я вся дрожу от страха.

Штормин и рта открыть не успел, как она вцепилась в него и повела за собой.

Они поднялись на второй этаж пятиэтажного дома. Настя из кармана плаща достала ключи, вставила их в замочную скважину.

— Володя, помоги, я не могу повернуть ключ.

Штормин попытался открыть дверь, но замок не слушался.

— По — моему, это не тот ключ, — произнес Володя, ковыряясь в замке.

— Точно, не тот, — хихикнула Настя. — Это ключ от маминой квартиры. А свой я, наверное,

оставила у нее.

— Что будем делать? — спросил Володя.

— Ломать. Сможешь дверь выбить ногой?

Штормин усмехнулся:

— Не далее как час назад я уже высадил одну дверь. Но та открывалась внутрь, а эта — наружу. Может, вас отвести к маме? Она далеко отсюда живет?

— Нет, к маме не надо! Ты что! Мама учительница, она будет всю ночь ругаться и воспитывать меня. Володя, ломай дверь.

— Ну, как хочешь, — Штормин крепко ухватился за дверную ручку, — видимо, миссия у меня сегодня такая — уничтожать двери.

Они и не заметили, как легко перешли на «ты». Что-то легкое и доступное почувствовал Володя в общении с Настей. Притягательное и запретное. Как адамово яблоко в раю.

Штормин резко дернул дверь на себя. Раздался хруст вывороченного косяка, дверь распахнулась.

— Прошу, мадам, — усмехнулся Володя, довольный своей силой. Он развернулся и сделал несколько шагов в сторону к лестничному пролету.

— Постой! — крикнула Настя. — Ты куда?

— В общежитие напротив. Я там живу.

— Нет, Володя, вернись, — взмолилась Анастасия. — Я боюсь ночевать одна со сломанной

дверью. Тем более эти придурки знают мой адрес и в любой момент могут нагрязнуть.

В ее голосе было столько страдания, столько страха, что Володя вернулся. Да и интуиция подсказывала ему, что эта история еще не закончена, что у нее есть весьма романтическое продолжение.

На кухне у Насти царил бардак. Было определенно видно, что недавно здесь гуляла большая компания. На столе стояли пустые винные бутылки, граненые стаканы, валялись грязные вилки, хлебные крошки, в пустой консервной банке торчали разносортные окурки. Раковина была заполнена до краев грязной посудой. Воздух был спертый, наполненный запахами подгоревшей картошки и прокисших щей.

— Хочешь выпить? — спросила Настя, открывая дверцу холодильника. — У меня есть «херес». И слегка засохший лимон. А хочешь, я тебе яйцо всмятку сварю. Как раз одно осталось. На развод. Какое гадкое слово — развод!

И она вновь невесело рассмеялась.

Штормин внимательно разглядел свою новую знакомую. Она была молода, красива, но первый тлен порочной жизни уже затронул и лицо ее и фигуру. Такие женщины, наделенные от природы привлекательностью, к сорока своим годам теряют всякий интерес к жизни. Вино «Изабелла»

становится единственной подругой, родня отворачивается, мужчины брезгуют. И до веревки с мылом остается один легкий шаг.

— А где же твой муж? — спросил Володя. — Ты говорила, что ты замужем.

Настя с грустной улыбкой взглянула на Штормина и как — то совсем буднично произнесла, смешно поджав губу:

— Муж объелся груш. Сегодня ты будешь исполнять его обязанности.

И Володя вдруг почувствовал, что он хочет эту распутную женщину, хочет страстно и неодолимо. На одну ночь, на один раз. Что это не влюбленность с первого взгляда и даже не мимолетное увлечение. Это животный инстинкт, просто похоть, с которой ему не совладать.

— Так тебе налить вина для храбрости? — спросила Настя, наполнив себе наполовину стакан «хересом».

— Да нет, спасибо, я не пью, — уверенно произнес Штормин. — У меня спортивный режим. Да и не такой уж я трус, чтобы испугаться женщины.

— Да! — рассмеялась Настя, озорно глядя на Володю. Так ты храбр не только на поле боя, но и на любовном ложе?

Она залпом выпила вино, поставила стакан на стол. — А ты мне нравишься, ковбой! Честное

слово нравишься. Где-то я тебя уже встречала. Вот только не могу вспомнить, где, когда и при каких обстоятельствах. Может быть в ресторане «Россия»?

— Нет, я по ресторанам не хожу.

Настя вдруг стала серьезной и тихо произнесла:

— Я вином тебя напою,
Лаской нежною одарю.
И ты вспомнишь на склоне лет
Как любил тебя страстно поэт!

Штормин опешил, это были его стихи, написанные две недели назад...

Анастасия стала медленно снимать с себя платье. И закружилась голова у ковбоя.

А через две недели Володю Штормина неожиданно — негаданно повесткой пригласили в отдел внутренних дел Октябрьского района. Стремительной пружинистой походкой он вошел в кабинет начальника. Толстый неуклюжий подполковник с заплывшим лицом в распахнутом кителе развалился за столом. Своим видом он напоминал обожравшегося хряка. И когда он заговорил человеческим голосом, а не захрюкал, Штормин слегка удивился.

— Как фамилия? — прогундосил

ПОДПОЛКОВНИК.

— Штормин.

— Имя и отчество?

— Владимир Владимирович.

Подполковник, кряхтя, дотянулся до какой-то бумажки, лежащей среди груды других бумаг, поднес ее к лицу, посмотрел внимательно и произнес недовольным тоном:

— Руководство решило вас наградить медалью за проявленное геройство во время задержания преступника. Хотя никакой он не преступник, а так, мелкая сошка. Короче говоря, тебе надо собрать бумаги, характеристики там разные, справку с места учебы. Спортом занимаешься?

— Да, рукопашным боем на стадионе «Динамо».

— На «Динамо»? Я тоже когда — то там кеды протирал. Значит, ты наш, динамовец? Бросай свой дурацкий университет, идем к нам. Хотя, выпендрёшистый ты какой-то больно. Свободу любишь? Строем ходить не хочешь? У меня глаз, парень, наметанный, я врагов за версту пятакком своим чую. Оттуда тоже справку принесешь. Знаешь, где контора находится?

— Какую справку? О составе семьи? О доходах?

Подполковник не понял откровенной издевки.

— Там выдадут.

Штормин посмотрел на подполковника. Его туша вызывала омерзение.

— А справки то зачем?

— Ты что, тупой? — рывкнул подполковник. Он считал себя барином в своем служебном кабинете. А все остальные были холопами в его понимании. — Родина решила тебя медалью наградить. Вот только я забыл какой.

— Да не хочу я медаль! — выпалил Штормин, резко обозлившись на мента.

— Не понял? — начальник выпучил от удивления свои пороссячьи глазки.

— Да я меньше, чем на орден Ленина не согласен! — выдал Володя.

Подполковник не сразу понял сути высказанной дерзости. А когда до него дошел смысл произнесенной фразы, он одним прыжком выскочил из — за стола и подлетел к Володе.

— Что ты, щенок, сейчас сказал?! Ты кому это сказал?! Родину презираешь?!

Штормин промолчал.

— Вон отсюда! — от злости подполковник даже ногами затопал. — И не дай бог ты мне еще раз на глаза попадешься. В порошок сотру, гадину!

Глава 6. Дальневосточный край, таежный Рай

Лето 1982 года принесло Владимиру Штормину множество новых на всю жизнь неизгладимых впечатлений. Выпал уникальный случай в период каникул поработать в геологической экспедиции. Не ради денег поехать, а как пелось в известной песне ленинградского барда Юрия Кукина «за туманом и за запахом тайги». В годы так называемого брежневского застоя интеллигенция и студенты были буквально помешаны на поисках острых ощущений. Кто-то лез без страховки в горы, кто-то сплавлялся на утлых лодках по бурным рекам, кто-то и вовсе погружался в бездонные пещеры. Туризм процветал, палатки, спальные мешки и рюкзаки относились к категории дефицитных товаров наравне с книгами и колбасой. О времена! О нравы!

Владимир Штормин, Сергей Варшавский и Владимир Великов, экипировавшись по мере своих возможностей, с рюкзаками, куда были уложены теплые вещи, фотоаппараты и рыболовные снасти, в начале июня добрались на поезде из Саратова до Москвы. В столице с родного Павелецкого вокзала они на такси рванули в Домодедово, в аэропорт, откуда самолеты летали в Сибирь, Якутию и на Дальний Восток. Там студентов поджидал представитель объединения «Космоаэрогеология», вручил командировочные удостоверения и билеты

до Охотска с пересадкой в Хабаровске. Представитель, мужчина средних лет в строгом костюме, не смотря на летнюю жару, стремительно лысеющий и полнеющий, с лицом кислым и надменным, как у коменданта женского общежития косо посмотрел на крепких парней, которые с непонятной ему радостью отправлялись на край земли кормить комаров, дышать дымом костров, мокнуть в палатках. И все это за малые в его понимании деньги. Куда выгоднее было фарцевать джинсами, обувью или другими иностранными шмотками, которые после Московской Олимпиады стали наполнять столицу. Он даже не пожелал «счастливого пути» на прощанье, не пожал руки.

Москвичи вообще удивительный народ. Вроде и свои рабоче-крестьянские, а ведут себя некоторые из них настолько заносчиво, будто Яуза шире Лены, а Воробьевы горы выше Казбека. Грамотные с виду люди, но тайгу называют лесом.

Когда на самолете летишь семь часов навстречу солнцу, понимаешь, насколько бескрайние просторы Родины, которая вовсе не страна, а просто огромная часть мира.

Охотск — портовый городок с секретной военно — морской базой на севере Хабаровского края. До Магадана по местным меркам рукой подать. По прямой наводке на северо-восток верст четыреста. Южнее Аян с его знаменитым Аянским

заливом, воспетым в стихах трех поколений политических заключенных. Тоже считается рядом, не более пяти сотен километров. На Западе Якутск, но до него уже не близко, примерно как от Москвы до Ленинграда. А вокруг бескрайняя лиственничная тайга, крутые сопки, поросшие непролазным кедровым стлаником, реки и озера с холодной чистой водой, олени, лоси, медведи, боровая дичь и ни души на всем огромном пространстве, размером с материк.

Охотск неприступен подобно хитро сооруженной крепости. Он расположен как бы на острове. С одной стороны от земного мира его отрезает широченная речка Охота, с другой — высокие горы с романтическим названием Резиденция. И, конечно же, Охотское море, являющееся частью великого Тихого океана, на буйном побережье которого расположен этот удивительный старинный городок районного масштаба и уклада жизни.

Но Охотск — настоящая замануха для чудиков всех мастей и любителей регулярно повышать содержание адреналина в крови. Кого только не встретишь летом в полевой сезон на его узких улочках: геологов, радистов, вертолетчиков, профессиональных охотников и рыболовов, военных, студентов, туристов и многочисленных бичей, этих флибустьеров удачи...

Штормин и Великов попали в геофизический отряд Петрашевича, который базировался на реке Эйло в отрогах Джугджура, горного хребта, тянущегося вдоль Охотского побережья на сотни километров.

Виталий Дементьевич Петрашевич был крепким мужчиной пятидесяти лет с крупным ладоням в многочисленных шрамах, геологом опытным, имевшим в своем послужном списке более двадцати полевых сезонов. Москвич не по рождению, а благодаря удачному браку, он был наделен не только умом, но и даром природной крестьянской смекалки, которая помогала ему и перед начальством умело выкручиваться в особых ситуациях и бичей держать в полной строгости. Звали его все запросто Дементич и он на это, казалось, не обижался. Но стоило внимательно заглянуть в его крупные черные глаза, в которых зияла бездна из пороков и достоинств, и по тяжелому взгляду с прищуром становилось понятно, этот на все способен. Еще про таких людей в народе говорят «битый судьбою».

Горный рабочий Валентин, грузный, рыжеволосый мужик, упрямо скрывавший свою предрасположенность к запойному пьянству, тоже много лет работал в различных геологических экспедициях и имел репутацию специалиста по рытью шурфов и канав, а также умелого рыбака и

охотника. Валентин всегда был серьезен, рассудителен, любил давать всем дельные советы и нравоучительные наставления. И если его не слушались или тем более, сгоряча посылали матом куда подальше, то он сильно обижался, становился хмурым и несколько дней не разговаривал. О нем можно было смело сказать «себе на уме».

Еще одного рабочего никто не называл по имени. У него, московского татарина была кличка Мамай. Он был ужасно ленив, страшно хитер, пугающе брехлив, во всем пытался извлечь личную выгоду. Было ему лет сорок, голову он имел крупную, фигуру кряжистую, черты лица неприятные. Про таких людей, как он, обычно говорят «морда просит кирпича». Полная его кличка звучала так: Мамай губастый, потомок Чингисхана.

Этот Мамай еще в Москве прикинулся хромым, и его оформили отрядным поваром. Готовить он толком не умел, все его страшно за это ругали и всякий раз, когда он не докладывал тушенки в макароны или заваривал слишком жидкий чай, порывались жестоко поколотить. Но Мамай только размахивал руками, всякий раз находя какие-то нелепые оправдания, и начинал при этом разговаривать с жутким акцентом узбека, живущего в Армении. Эта картина обычно вызывала смех, и Мамаю все сходило с рук.

Володя Журов, тридцатилетний рабочий из Подмосковья к категории бичей, людей опустившихся в той или иной мере, не относился. Его в геологические экспедиции, похоже, привлекала не романтика приключений, а возможность тихого общения с дикой природой и отчасти желание хорошо заработать за полевой сезон. Он был среднего роста с привлекательными и умными чертами лица, мускулистым как спортсмен — культурист, разговаривал со всеми с подчеркнутой вежливостью и на удивление не проявлял азарта в рыбалке и охоте. В целом его можно было характеризовать «лесник-одиночка».

Коля Роганов, мужчина средних лет был доморощенным понтовым аристократом до мозга своих пролетарских костей. Высокий, фактурный, модный мужчина, обладавший откровенно хамским остроумием, и весьма невоздержанный на язык. Он еще в Охотске отпустил усы и бороду и стал походить на Владимира Высоцкого в кинофильме «Вертикаль».

Многие женщины от таких красавцев как он тут же теряют голову. Поэтому Коля рано и выгодно женился. Дедушка его супруги занимал очень высокое положение в ЦК КПСС. Это был настолько высокий пост, что он сумел пристроить Колю водителем в кремлевский гараж и Роганов несколько лет возил личного врача Леонида Ильича

Брежнева. Но как-то раз он выпил лишнего, изменил супруге с женой видного комсомольского начальника, история имела большую огласку, и на этом Колина головокружительная кремлевская карьера резко оборвалась. Поперли его из семьи и из главного гаража страны. Коля вступил в брак с сестрой менее маститого, однако весьма перспективного и карьерно мыслящего комсомольского вожака, подался на работу в таксопарк. Но по пьяной лавочке совершил наезд на пешехода, получил срок, после отсидки в лагере остался не у дел. Про таких людей в народе говорят «без царя в голове».

Самой колоритной личностью в отряде Петрашевича был Слава Огородников. Никто не знал его истинного возраста, выглядел он как очень пожилой человек, хотя на самом деле не дотянул еще и до сорока. Слава был происхождения из московской шпаны. И разговаривал по фене и пальцы веером мастерски крутил и ходил типичной блатной походкой на носочках, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, заканчивая каждую фразу странным словосочетанием «джибао любао». Что сие значило — джибао любао — никто не знал. Но при этом Слава был очень дружелюбным и без устали мог травить смешные байки о своих дружбанах и чмарах, «хазах» и «малинах», фраерах и авторитетах, о романтике воровской жизни. Он

был настоящим «бедовым парнем». Такие люди долго по свету не бродят. Либо кто-то такого прирежет ночью под железнодорожным мостом, либо он, напившись в стельку, замерзнет в лютую зиму по дороге с «хазы» на «малину».

Отряд Дементича планировали забросить в район реки Эйло, где должен был быть оборудован основной лагерь, на вертолете двумя рейсами. Палатки, спальные мешки, пологи, печки для палаток, оружие, кирки и лопаты, пилы и топоры, полевую рацию, все, что в первую очередь необходимо для обустройства лагеря, всегда забрасывают первым рейсом. И первыми на «Ми — 8» с грузом полетели Петрашевич, Валентин, Мамай губастый, Володя Журов и Володя Штормин. Вторым рейсом должны были лететь Коля Роганов, Слава Огородников и Володя Великов, загрузив борт вертолета многочисленным и громоздким геофизическим оборудованием, посудой, продуктами питания на три месяца. На складе уже были получены в необходимом количестве ящики с тушенкой и сгущенкой, мешки с рисом, макаронами и сахаром, коробки с галетами и чаем. Конечно, летом в тайге опытный человек запросто прокормит себя охотой и рыбалкой, ягодами и кедровыми орешками. Но на это потребуется затратить немало времени и сил. А они геологам нужны для работы, которая слишком

изнурительна и подчас просто физически невыносима.

Погода на Джугджуре капризна, как поздний ребенок престарелых интеллигентных родителей. Часты выносы густых непроницаемых туманов с Охотского моря, которые подолгу застаиваются на перевалах, пока не поднимется штормовой ветер и не разорвет их в клочья. А в туман, при нулевой видимости вертолет не прорвется к цели.

Для обустройства полевого лагеря Дементич выбрал левый пойменный берег реки Эйло. Это была небольшая плоская терраса у подножия безымянной сопки, удобное место для разбивки нескольких палаток. Эта терраса, в отличие другой, расположенной на противоположном берегу, не была густо заросшей кустами малины, шиповника и голубики. На ней даже имелась небольшая поляна среди могучих лиственниц. И совсем рядом торчало несколько десятков высоких сухостойных деревьев. Это только кажется, что в тайге нет проблем с дровами. Для маленького костра можно легко набрать сухих веток, которых всюду множество. Но для отряда из восьми человек, три раза в день готовящих пищу на открытом огне, для отопления палаток в течение двух, трех месяцев веток не напасешься. Берется бензопила, валяются пять, шесть могучих сушин. Затем их распиливают на поленья, которые колют на дрова, а потом разносят и

складывают в поленницы возле каждой из палаток и на кухне под широким брезентовым навесом.

С установления палаток, обустройства кухни, заготовки дров обычно и начинается полевая жизнь в геологическом отряде.

Прилетели на Эйло рано утром, быстро разгрузили борт, который сразу же отправился в обратном Охотск, чтобы через шесть часов вернуться с геофизическим оборудованием, провиантом и второй частью отряда. Первый раз вертолет туда и обратно прошел перевал без проблем, а при второй попытке достичь лагеря Петрашевича попал в сильнейший туман, и командир экипажа, не пожелав лишнего раз рисковать погонями и головой, отдал приказ вернуться на базу.

Быстроводная Эйло, как и другие горные речки в своих истоках, имела в ширину не более десяти метров. Она была не глубокой и пересекаемой вброд практически в любом месте. Но у таких горных рек есть одна особенность. Имея малую ширину, они текут по каменному руслу, которое может достигать от берега берега до берега несколько сот метров. И произвольно менять траекторию своего течения. Так, в один день Эйло может бежать недалеко от левой террасы, а в другой день ищи ее метров на сто правее.

Уже вечерело, когда Штормин закончил разносить дров по палаткам. Голодные рабочие во